

Старый дом

Автор:

Михаил Климов

Старый дом

Михаил Климов

Приключенческая мелодрама – так, наверное, можно определить жанр нового романа Михаила Климова, автора популярной книги «Записки антикварного дилера». Старая и новая Москва, любовь и ненависть, революционное подполье и торговля старыми книгами сплелись здесь в единый и причудливый орнамент.

Михаил Климов

Старый дом

© М. Климов, 2014

© М. и Л. Орлушины, оформление, 2014

© Издательство «Водолей», оформление 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Да никогда в жизни Прохоров эту квартиру бы не снял.

Ну, или при других обстоятельствах...

Это и не квартира была вовсе: малюсенькая прихожая, небольшая комната с газовой плитой и холодильником прямо тут же у входа, раковина, крохотный туалет, душ в углу, переоборудованный, скорей всего, из половинки старого платяного шкафа – так там было тесно и темно. Стол под полуподвальным окном, узкая походная кровать (Славе в голову не могло прийти, что такие в Москве сохранились) у противоположной стены, стул, который по возрасту точно был старше нашего героя. И еще компьютерное кресло, которое он купил, потому что сидеть долго на местном стуле не мог.

Но ремонт в родной «однушке» в Черемушках – Равиль сказал, что если проводку не сменить, то однажды хозяин проснется, в лучшем случае, под рев пожарных машин, а в худшем – и их не услышит...

Но наличие Интернета, хотя, казалось бы, какой Интернет в подвале такой развалюхи. Но ведь есть и даже вполне пристойно работает.

Но местоположение... Он поднял голову – через невысокое окно был виден центральный купол и довольно большой кусок Храма Христа Спасителя.

Да и Горохов жил сравнительно рядом, смена книг на описание проходила быстро и без задержек. Шофер, секретарь, охранник Горохова, кто он там – не важно, но точно Вадик, привозил и увозил коробки по первому звонку. Правда, сколько Прохоров ни просил расставлять их по одной возле стола, гребаный адъютант всегда ставил их одна на другую и у стены. И сегодня опять придется таскать их, напрягая сорванную сорок лет назад спину.

Зачем он только взялся за опись этой библиотеки? Не его это дело – считать страницы и щелкать фотоаппаратом.

Деньги приличные, это конечно, но вот иметь так часто дело с Гороховым совсем не правильно.

Понятно, что на самом деле так было не столь тоскливо вечерами, но все же... Лучше дружить с тоской, чем с Вадиками в разных видах – это он усвоил давно, но все время нарушал.

Зазвонил телефон:

– Картошка с мясом понравилась? – спросила дочь.

– Сейчас... – торопливо сказал он в ответ, пытаясь сообразить, где это у него такое сокровище может обретаться.

На столе не было, на плите – тоже.

В душе мокро и пахнет несъедобно, а в туалет нести – вроде рано, оставался холодильник.

Он встал, открыл дверцу, Марина терпеливо ждала.

Молоко, пирожные, сыр, салат с прошлого дочкиного посещения.

А где компот?

Вадик, что ли, съел...

– Уверена, что была картошка? – на всякий случай спросил он.

– На самой нижней полке...

Там «компот» и оказался.

В новой синей кастрюльке явно не местного происхождения. «Приготовила дома? Потом везла из Кунцево? В такую жару?»

– Приступаю... – кивнул он, как будто Марина могла это видеть. – Отчет в письменной форме через час...

– Можешь не спешить... – она хмыкнула, – мы с Володей на концерт идем. Освободимся поздно...

– Игги Поп? – блеснул он слышанным когда-то от Володи именем.

– Мимо... – в голосе дочери послышалось удивление. – Сама Нина Хаген приехала... Потом позвоню...

Но есть не хотелось, придется опять наврать или ждать до утра, когда он все и попробует. А вот попить не мешало. Слава протянул руку к начатой утром бутылке, но тут же отдернул ее – молока явно было меньше, чем перед его уходом.

А вот это точно – Вадик.

Прохоров посмотрел на любимую кружку – та стояла точно на том же месте, куда он поставил ее утром после мытья.

«Из горла пил, сука...»

Он взял бутылку двумя пальцами и понес к раковине. Пить после этого бугая он не мог. Известно, что молоко любят либо очень здоровые, либо очень больные люди. К какой категории отнести Вадика, Слава не знал, но ни та, ни другая симпатий к этому персонажу не вызывали.

И как всегда, когда он злился, все пошло наперекосяк.

Когда до раковины оставалась какая-то пара метров, бутылка выскользнула из рук, а Вадик, козел, ее еще неплотно завинтил...

Короче, через двадцать секунд по полу шел длинный белый след, потому что наш герой с расстройства еще и пнул пластмассовую посудину, и теперь, вместо того, чтобы убрать лужу размером с блюдце, надо было возить тряпкой по всей комнате.

К чему он и приступил, поминая родных и близких гороховской шестерки. Но злиться все-таки не следовало, потому что духи этого старого дома тут же отомстили ему. Уже заканчивая вытирать загаженный пол, Прохоров выяснил, что не убрал брошенную бутылку.

Удалось узнать ему это очень просто – он, сделав шаг назад, на нее и наступил...

Бутылка громко сказала «Ква», остатки молока разлетелись по всей комнате, и на одном из белых пятен Слава и поскользнулся. А поскользнувшись, полетел в сторону, задел за гороховские коробки и шмякнулся об стену с такой силой, что тут же заныло плечо.

Он посидел несколько секунд, велел себе успокоиться, что ему почти удалось, так только спел про себя что-то нецензурное. Но тут же с радостью констатировал, что ни одна капля, ни один ручеек не добрались до этих треклятых гороховских коробок. А то еще вдобавок к уборке и помятому плечу пришлось бы платить немалые тысячи за испорченные книги.

Потом тяжело поднялся, взял оброненную тряпку и, заставляя себя улыбаться, снова принялся за уборку.

А когда оглянулся, увидел, что в том месте, где он влетел в стену, часть ее немного просела, а обои по краю слегка прорвались, образуя четкий и довольно большой четырехугольник.

Похоже, там была какая-то дверь, которую заклеили в незапамятные времена, а он сегодня сдуру отклеил. Ему как-то раньше в голову не приходило поинтересоваться, что у него за соседи.

Но эта дверь Прохорову совсем не понравилась. Потому что у него здесь чужие книги на несколько десятков, а иногда и сотен тысяч долларов, а тут какая-то незапертая или почти незапертая дверь.

Толкнуться туда? А вдруг там кто-то живет и он вломится в чужую жизнь в самый неподходящий момент...

Слава почесал затылок, потом подошел к обозначившемуся проему, прислушался – все тихо. Он перетащил пару коробок прямо под злополучную дверь, чтобы желающим войти была помеха, достал ключ и вышел из квартиры. Прошел через разрушенный и заплеванный коридор, посмотрел на лестницу, ведущую на верхний этаж – а там кто-нибудь живет? Или он один обитатель всего дома? За неделю, что он тут тусовался, ему мысль о соседях, как уже сказано, не приходила ни разу...

Прохоров вышел на улицу – идея была простая: прикинуть, где его окна, понять, где окна той комнаты, в которую он сейчас чуть не ввалился, глянуть на них. Если там все пустынно и заброшено, как во всем доме, хрен с этой дверью, пусть все будет, как есть, а перед тем как съехать, он позовет Равиля и за тысячу рублей тот переклеит всю стену, чтобы риэлторша, которая сдавала Славе квартиру, не приставала.

А вот если там кто-то живет, герань на окошке и все такое, тогда надо думать, как быть. Возможно, придется обращаться к Горохову, чтобы он решил этот вопрос (ох как не хочется) или просто снял для него другую квартиру.

Он вышел из подъезда, прикинул, какое окно его, подошел ближе и перевел глаза влево, туда, где должна была находиться соседняя комната.

Только там ничего не было, дом явно кончался его квартирой, а та стена, в которую он въехал, была глухая и снаружи, во всяком случае, – каменная.

2

И никаких следов двери.

Вообще никаких...

Более того, весь дом был ветхим донельзя, многочисленные перестройки (а откуда иначе в нем силикатный кирпич?) привели к тому, что страшноватая двухэтажка, бывшая некогда городской усадьбой, превратилась в развалюху, которая и уцелела-то до сих пор только потому, что никто, видно, не мог

придумать на таком крохотном участке даже «точечной застройки». Так вот, все было ветхое, кроме наружной стены его комнаты, той самой, где должна была быть дверь...

Или он ошибается?

Слава сделал шаг назад, чтобы получше прикинуть, где кончается его нора. С глазомером было все в порядке, и ясно, как Божий день, что даже внутрисхемного прохода, как в романе «Месс-Менд» тут быть не могло. Ну, или только для мышей с крысами...

Где-то сбоку скрипнули тормоза, послышалась глухая ругань, и, скосив глаза, Прохоров увидел, как из большой БМВ к нему двинулся молодой парень, сжимая в руках бейсбольную биту.

– Че, папаша, – орал он, потрясая своим оружием, – жить надоело? ГЦа помогу до кладбища добраться...

Пришлось срочно ретироваться, тем более, что претензия парня была вполне справедливой: наш герой стоял посреди мостовой и вполне мог отправиться на кладбище сам на капоте «бехи».

Парень преследовать его не стал, только заржал, глядя на то, как «папаша» трусил к грязному подъезду. Сел и уехал, но наш герой этого уже не видел, он стоял, прижавшись изнутри к своей двери, и пытался восстановить дыхание.

А заодно думал...

Тут сбившееся дыхание и бешено колотящееся сердце совершенно не мешали процессу...

Нужно или не нужно проверять дверь?

Вполне возможно, что если ее совсем отклеить от обоев и как-то заглянуть за нее, там обнаружится просто каменная кладка. И можно будет успокоиться за чужие «богатства»...

Скорее всего, так и будет...

Так что можно и не начинать...

Но, немного зная себя, Слава понимал, что будет изводиться, пока не проверит. Нудный характер, привычка все доводить до конца, зачастую ненужного, давно уже взяли в нем верх над детской безалаберностью и разгильдяйством юности. В науке это, кажется, называется ананкаст. Хорошая тема для размышления – когда и как пацан, которого мама всегда снимала то с забора, то с дерева, превратился в зануду.

Но это – потом, сейчас надо было понять – трогать дверь или звать Равиля с обоями?

Он, наконец, отклеился от входа и решил сделать то, что всегда, правда, непонятно для чего, в подобных обстоятельствах делают люди – простучать странную стенку костяшками пальцев.

Зачем? Бог весть...

Что он поймет, если звук будет глухим?

А если гулким?

А звонким?

Но Прохоров уже решительно стоял у стены и решительно колотил в нее рукой.

Интересно, какой это звук?

А это?

Он подошел к не проявленной до конца двери, отодвинул коробки и стукнул костяшками и по ней.

И видимо, в азарте передвигания коробок, довольно сильно. Или до этого она не смогла пережить Слаvinу тушку или сейчас испугалась точного удара, только дверь вдруг закрипела обиженно и... рухнула.

Без особого шума и грохота, да и пыли особенной не было, вроде, как лист фанеры шлепнулся на землю, даже не на пол.

Чего быть не могло по условию, потому что от двери до внешнего края стены, как он установил экспериментально, глядя с улицы, было максимум сантиметров тридцать, а упала эта сволочь плашмя.

Словно там была целая комната...

Что там в реале, Прохоров видеть не мог, потому что дверь, падая, за собой остатки обоев не потащила, они так и висели теперь, на манер разноцветной и грязной занавески, заслоняя от нашего героя новый мир.

Зато и выбора у него не осталось: живет там кто-нибудь или нет, было там, куда падать двери или это у него бред такой – теперь не имело значения. Тронул – ходи, соблазнил – женись, уронил – подними...

И вот наш герой решительно обеими руками ухватил, используя рваные края, «занавеску» и рванул на себя.

Открылась комната.

Не входя, он стал осматривать ее.

Примерно такого же размера, как Славина.

Только поуютней: занавески на окнах, горшок с цветами, правда, подзасохшими, стол с настоящей скатертью, в отличие от его с бумажной. Даже какой-то лохматый половик...

И что-то странное в ней было, в этой комнате, хотя, что именно, он не мог пока поймать.

Ни «платяного шкафа», приспособленного под душевую, ни раковины, ни холодильника, ни плиты... Однако на столе стоял примус... Или керосинка...

Слава в детстве в коммуналке еще застал такое или подобное сооружение, но чем одно отличается от другого, не знал.

Что же все-таки тут не так?

На гвозде возле выходной двери (а я не сказал, что там была еще одна дверь, прямо напротив только что открытой?) висел какой-то зипун не зипун, армяк не армяк – что-то зимнее и, по определению Прохорова, «деревенское».

«Жарко ведь в таком сейчас...» – всплыло в голове.

Однако кому жарко, в голову не приходило.

Так в чем же дело, что его так тревожит в этой комнате?

Он покрутил головой, пытаясь понять, что именно его настораживает, и вдруг понял, что тревога к видимому никакого отношения не имеет...

Скорее к слышимому...

Потому что в комнате этой новой было до удивления тихо.

Да, форточка в ней была закрыта, но Слава отлично знал, как сквозь закрытое окно лезут в квартиру звуки улицы, спал-то он здесь не одну ночь.

А здесь никакого рева машин слышно не было вообще, только за спиной из его комнаты...

Он прислушался и вдруг услышал, как где-то далеко пропел петух...

И этот крик петуха, как положено в романах про вампиров, пробудил Прохорова от некоего подобия сна. Он еще успел подумать: «...петух на Остоженке... – это что-то из серии «Конь в сенате», как мысли приняли совершенно другое направление:

А что делать-то?

Комната, которой быть никак не могло, однако, была и притом обитаемая. Похоже, хозяин куда-то отъехал (подсохшие цветы и пыль на полу, которую вдруг усмотрели привыкшие к свету глаза), но тут живут.

И он влез в чужую квартиру.

Которой не было, потому что быть не могло...

Но она была...

И никаким Равилем тут уже не отделаешься...

Вроде бы можно просто поднять дверь, непонятным образом закрепить ее и оклеить обоями.

Но это с его, Славиной, стороны.

А с той?

Там-то вернувшийся хозяин моментально обнаружит, что кто-то в комнату вторгся, да еще и путь вторжения точно обозначен, ведь не может же Равиль и с той стороны поклеить обои. То есть может, конечно, но ведь видно будет, обои какие-то непривычные, сейчас таких и не делают, наверное.

Прохорову надоело стоять столбом, он решительно прошел в чужую комнату и сел на колченогий стул.

Все равно придется вопрос решать, когда хозяин вернется. Давать деньги за беспокойство, оплачивать ремонт, договариваться, чтобы хозяин не ментов звал,

а решили они все полюбовно и мирно. Доказывать, если мирно и полюбовно не получится, что все произошло случайно и он, Слава, здесь ничего не украл.

Может быть, сфотографировать, все, как он здесь застал? Будет это подтверждением того, что ничего он тут не трогал?

Или наоборот, хозяин решит, что он все сфотал, чтобы точно восстановить после того, как обчистит квартиру?

Хотя, что тут брать?

За долгие годы своего антикварного дилерства Прохоров был, наверное, в паре сотен случайных квартир разного уровня благосостояния и привык, выработалось какое-то шестое чувство, понимать, куда он попал. Эта хата была странная (где телевизор с холодильником?), но явно не богатая.

Может, в углу где-нибудь и лежит первое издание Достоевского, как было однажды, но это один раз на сто. А тут можно предположить в лучшем случае Марксовское собрание какой-нибудь классики в приличном виде. Или Синодальное издание Библии с Доре, но это только если в роду были священники.

Однако книг ни одной Слава здесь не видел, да и не в этом дело, конечно. Это он понимает, что брать тут нечего, у хозяина может быть совсем другое мнение...

Глаза перебегали с одного предмета на другой, мысли метались из стороны в сторону и в одной стороне дометались до того, что он понял, почему дверь упала, а не открылась, как положено.

Потому, что это была никакая не дверь...

Может, когда-то и была в этом месте таковая, но сейчас на полу лежал совершенно плоский прямоугольник, нужного размера, только не деревянный, а...

Как же называется вот эта тонкая деревянная щепочка, торчащая из прямоугольника по всему периметру? Прохоров это название знал, совершенно

точно, потому что еще в стройотряде они обивали какую-то стенку, обивали этой дрянью, чтобы потом на нее уложить штукатурку...

И слово «дрянь» потащило за собой – «дранку».

Вот как называется эта щепка.

Точно – дранка...

Кто-то ее драл...

Почему-то это открытие его развеселило.

Хотя радоваться было совершенно нечему.

Как он теперь хорошо видел, вся стена между их комнатами и была сделана вот из такого материала – дранка оштукатуренная, а сверху обои. Слава помнил, что они-то эту щепу набивали на бревенчатую стену, а потом клали штукатурку, но здесь была какая-то другая технология: никакой основы, на которую крепилась дранка, видно не было.

То есть вся стена состояла из щепы, покрытой штукатуркой, толщина сантиметра полтора, а сверху обои.

То есть стены, как таковой и не было – тонкая перегородка, которая стояла на чьем-то честном слове. Ткни, и развалится...

Только отсутствие хозяина квартиры могло привести к тому, что Прохоров его ни разу не слышал, через такую тонкую стенку звуки должны проходить даже лучше, чем через панели хрущевки.

Он оглянулся на входную дверь – эта-то хоть настоящая? Выглядела – натурально, но ничему удивляться тут не приходилось. В стене толщиной, по прикидке, сантиметров тридцать помещалась комната шириной метра в три. И из нее в глухую стену выходила дверь, которой с другой стороны вообще не было.

Слава встал, подошел поближе: дверь и дверь. Подергал ручку – заперто. Конечно, было бы странно, если бы эта дверь оказалась открытой: заходи, кто желает, и бери, что хочешь...

ТЬфу ты... что делать-то?

Взгляд скользнул по «армяку», который вблизи оказался совсем не армяком. Скорее женское пальто довольно странного вида. Если бы наш герой занимался не книгами, а костюмами, он, наверное, что-то смог бы сказать о таком крое, но сейчас, единственное, что приходило в голову – модерн, начало двадцатого века.

Однако сегодня, в начале двадцать первого, крой ни о чем не говорил. Слава вспомнил рассказ одной знакомой актрисы, как ей сшили для съемок платье как раз в таком стиле, а она просто ходила в нем по улицам, и все восхищались, какая модная и классная у нее шмотка.

Какая-то линия в голове начинала выстраиваться, но он отмахивался от нее, как от пьяного гостя, который раз за разом зовет в три часа ночи сходить на Чистые пруды половить морских черепах.

Прохоров еще раз obeжал глазами комнату и тут, наконец, заметил нечто привычное и родное: на подоконнике все-таки лежали несколько книг. Он рванул к ним, как к старым знакомым, случайно встреченным заблудившимся туристом в чужом городе.

Приставил стул, с трудом взгромоздился на шаткое основание.

И порадовался своей интуиции: сверху лежал томик Тургенева, как раз издания Маркса, внизу виднелись несколько номеров «Нивы», а вот в середине все оказалось не совсем правильно. Степняк-Кравчинский «Подпольная Россия» и брошюра Лассаля «Принципы труда в современном обществе»...

Мдя...

Просто макулатура...

Кто же здесь живет?

Коллекционер революционной литературы?

А книги в таком прекрасном состоянии, как будто не прошло ста лет. Славу это как-то давило, он не мог понять, что происходит. Мухи за эти годы на них садились? Солнце их палило? Кефир на них проливался?

А они – как новенькие... Читанные, конечно, но от времени они деформируются по-другому, чем от чтения.

И тут за окном послышался скрип, Слава поднял глаза и увидел, как мимо проехала карета...

4

«Снимают кино... – сказал он себе, стараясь быть максимально убедительным. – Точно, гадом буду, кино снимают...»

Хотя, если честно, то верил он этим словам, пусть и собственным – мало. Слишком много всего уже было, что настораживало: ни одного предмета в комнате, сделанного хотя бы пятьдесят лет назад, пальто в модерне, книги в идеальной сохранности, крик петуха, наконец...

Завести себе сегодня любое животное – не вопрос, но вот как его услышать в непрерывном грохоте московского центра?

А тут тишина...

И вот в этой тишине – карета...

Чего-то подобного он уже ждал. Ну, все же видели кучу фильмов с таким сюжетом: есть дверь, иногда окно, а на том конце альфа Центавра, преисподняя, Париж, наконец.

Но это кино...

Кино...

Это может быть только в кино...

Раз за разом повторял он эти фразы, сидя прямо на столе, куда опустился, когда увидел карету. Щипал себя за щеку, пробовал даже ударить по скуле, прокусил губу. Щека, скула и губа болели...

Но пальто было на месте, книжки лежали аккуратной стопочкой, и холодильник из стены не выступил.

А вот карета еще одна проскрипела за стеной...

Да и та была не первая, звуки он, сейчас вспомнилось, слышал уже несколько раз, пока бродил по комнате, да только значения им не придавал.

Прохоров даже вставать не стал, чтобы посмотреть на диво-дивное – что, он карет в своей жизни не видал? Все последние полчаса думал, как проверить то, что постепенно приходило в голову.

И придумал...

Только не хотел этот свой тест применять, потому что все остальное с трудом, но как-то на реальность походило, и даже три кареты и ни одного авто за полчаса. Но если и эта проверка туда же, тогда – шардык, тогда все, жизнь дала трещину и надо ее всю переделывать и передумывать...

Он по привычке сунул руку в карман, достал телефон.

Набрал номер дочери...

Надо же было с кем-то посоветоваться... И Володя ее человек неглупый...

Но посредине процесса ткнул в кнопку «Отбой» – она же на концерте и наверняка отключила трубу.

Автоматически глянул на экран – «Поиск Сети».

Понятно...

«Ищи, ищи... – почему-то съехидничал он. – А как найдешь – телеграфируй на домашний адрес...»

Можно, конечно, было пойти и проверить в своей квартире, но почему-то он был уверен, что там с Сетью все в порядке.

Положил телефон на стол – потому что и это не доказательство. Мало что ли мест в Москве, где он Сеть ищет, но не находит.

«Ладно, лезь на стул...» – скомандовал он себе, но опять не полез.

Может, все еще образуется?

Трудно и как-то глупо начинать жизнь сначала. Все уже как-то устоялось: круги друзей определены, пряники любимые выбраны, десять или пятнадцать «твоих» книг аккуратно поставлены на полку.

А тут...

Ладно, выбора-то нет: он взял себя за шиворот и заставил подняться, чтобы посмотреть на Храм Христа Спасителя.

Только глаза не открывал...

Потом на секунду открыл, глянул, сел и... заплакал.

Когда-то давным-давно лет тридцать, а то и больше назад была у нашего героя реставраторша по бумаге, которая работала в Донском монастыре. Раз в месяц приезжал он к ней, привозил заказ, забирал сделанное и каждый раз удивлялся,

глядя на огромные мраморные горельефы числом не то пять, не то восемь, стоящие у внутренней стены монастыря. Удивлялся гигантскому размеру, красоте композиции и великолепному качеству отделки.

И как-то раз не забыл спросить: что это?

– Так это барельефы с Храма Христа Спасителя... – удивилась реставраторша. – Все, что сохранилось...

Потом, когда Храм начали восстанавливать, Слава решил, что вот эти кусочки (по сравнению с самим собором – просто крохи) подлинного точно используют. И страшно удивился, когда увидел, что вся скульптура была бронзовой и работы не то самого, не то его мастерских, короче, ваятеля по кличке Ркацители.

И когда он открывал на мгновение глаза, ах, как он надеялся увидеть знакомое бронзовое поблескивание...

Но не увидел...

Скульптуры были величественными и прекрасными.

Но – белыми, мраморными...

А это значит, что сомнений уже не осталось – он нашел дверь в какое-то другое время минимум до 1931 года, когда Храм взорвали.

Никто и никогда, Прохоров это прекрасно понимал, не будет белить бронзу под мрамор, не на Украине же все это обретается.

Кино снимают?

Бред, невозможно...

Даже если бы кино снимал сам великий Никита Первый, которому позволено, кажется, всё, то и тогда, ясное дело, сняли как есть, а потом просто перекрасили бы горельефы на компе, если кому-то вообще пришла бы в голову идея заморачиваться такой ерундой.

Так что последние сомнения исчезли...

– Ну и с чего тут мучиться, чего переживать? – спросит любой нормальный человек. – Выпала такая уникальная удача, так лови ее за хвост...

Но здесь мы возразить не можем, а можем только пересказать ту бурю мыслей, которая бушевала в Славином мозгу по этому поводу.

А думал он вот о чем.

5

Из ситуации сложившейся видно было выхода три и все они на некоей оценочной линейке располагались между отвратительным и омерзительным.

Первый самый реальный, но и самый невероятный: заклеить проем, забрать вещички и сбежать.

Плюсы – ничего тебя не касается, пусть тут и по ту и по эту сторону двери все будет как будет, я – не я и корова – не моя.

Минусы – могут все-таки на него, Славу, выйти. Те, кто с этой стороны, конечно. Гороха вполне могла заинтересовать та поспешность, с которой Прохоров бежал из старого дома.

И уж точно заинтересует Вадика. Конечно, он идиот и обыграть такого не проблема. Вряд ли он помнит, какие на той стене были обои. Подобрать похожие по тону, Равиля не звать, обойтись своими силами – Марина, Володя и он сам – авось, когда придет проверять причину бегства, Вадик ничего не заметит. Пожмет плечами, сплюнет на пол и уйдет.

А если в момент обхода квартиры ему придет в голову прислониться к стене в ненужном месте?

А если решит, как Слава полчаса назад, простучать стены, интересуясь, что напугало «книжака» (таким странным именем он звал Прохорова)?

А если в момент его возни там за перегородкой вернется хозяин и поинтересуется, что за странная дыра в стене, то есть, стена, вроде есть, но обои другие и все такое... И толкнется в этом месте?

Будет интересная встреча.

Даже чересчур интересная с кровью и жертвами...

Да и кроме всего был в этом варианте гигантский минус: при всем при том, что Слава с возрастом успокоился и любопытство его почти умерло, все-таки пройти мимо такой возможности, завязав себе глаза, он не сможет. Даже если все сделает по первоначальному плану, то есть замажет, заклеит и сбежит, и дальше все пойдет гладко, все равно не успокоится. Будет таскаться сюда, ходить вокруг дома, сердце будет ныть, и чем все это кончится – неизвестно...

Второй вариант – романтический.

Ситуация складывалась так, что вполне можно попробовать в лучших голливудских традициях спасти мир.

В самом деле: за окном, скорее все-таки дореволюционная Москва, чем тридцатые годы. Крой пальто, отличное состояние книжек и ни одной среди них послереволюционной, да и карета вместе с полным отсутствием автомобилей – все это наталкивало на мысль, что на дворе какие-то десятилетия, а отнюдь не тридцатые и даже не двадцатые.

А тогда все просто: уточнить – который точно год на дворе, выяснить, где в это время были Ленин, Сталин и Троцкий и кого-нибудь из них мочкануть.

Прохоров не был безоглядным сторонником большевистской версии теории о роли личности в истории. Он понимал, что движение времени – штука объективная и, если суждено было России влезть в февральско-октябрьское говно, то тут уже ничего не сделаешь. Но вот консистенция, вот количество, вот отравляющая сила этого продукта сильно зависели от исполнителей

исторических ролей, и тут можно было как-то попробовать влиять.

Не так, конечно, как в знаменитом рассказе Брэдбери про раздавленную в палеолите бабочку, которая многое изменила в наше время. История все-таки вещь достаточно самостоятельная и упругая, чтобы так мощно реагировать на одно несчастное насекомое, но вот модифицировать персонажей, которые ее свершают – и перемен может быть много и разных.

Правда, неизвестно – к лучшему ли...

Плюсы: приятно жить, ощущая, что ты лично спас несколько десятков миллионов человек.

Минусы: а если на место Сталина придет другой – тот же Троцкий? Может, он вообще все население под расстрел поставит? И тогда, вернувшись из этой комнаты в свою, Слава мог увидеть просто развалины Москвы или услышать на улицах чужую речь – солдат, пришедших занять пустующие территории. То был такой гигантский минус, что плюс рядом с ним смотрелся забытой земляничкой на скошенном колхозном поле.

Да кроме того – это они сейчас известны – Троцкий с Лениным и Сталиным. А кто знает, вдруг там за ними стоит кто-то в тени, кто просто не смог проявить своих талантов, заслоненный более крупными фигурами?

Какой-нибудь Лацис или Дыбенко?

А отойди эта троица в сторону, может такое выползти, что Сталин покажется игривым котенком, а Ленин добродушным псом...

Что тогда?

Да и убивать Прохоров как-то не умел, не приходилось и не стремился никогда. Скорее наоборот, был он, то, что называется, мирным обывателем, даже дрался в своей жизни раза два и оба проиграл.

Можно, конечно, поискать исполнителя для такого действия – за тридцать пять лет работы знакомые завелись самые разные. Но вот представить себе, как он

объясняет какому-нибудь «быку», что надо отправиться на сто лет назад и там завалить Ленина, удавалось с трудом. К тому же это вело к значительному расширению знающих о двери, а этого, по мнению Славы, надо было максимально избегать.

Тут, правда, было одно «но», которое всю историю зачеркивало быстро и легко – а что если вся троица в эмиграции, что, скорей всего, так и есть, если на дворе не 1905 или 1917. Все, шардык планам – не в Париж же ехать за ними с «быком» в соседнем, а то и в своем купе...

Хотя есть еще один способ изменить историю.

Без крови и киллеров...

Найти кого-нибудь поумней из того времен. Поумней и повесомей, какого-нибудь Милюкова, например. Прийти к нему, доказать, что Слава из будущего...

Как доказать?

Предъявить телефон.

Понятно, что позвонить он никому не сможет, но вот, скажем, снять фото или даже короткое кино – чем не доказательство. И то и другое в то время уже существовало, но на допотопном уровне, и моментальное воспроизведение, да еще цветное, вполне убедительно должно бы выглядеть. Он достал телефон и щелкнул камерой – на экране появилось изображение комнаты с окном в глубине.

Значит, работает...

А потом что?

А потом, если и когда тот поверит, что Прохоров из будущего, убедить его, что главная опасность не царизм, и даже не эсеры, а никому неизвестные Ленин и компания. Что воевать нужно с ними, а не с Александрой Федоровной и Николаем...

Может, поймет и поверит?

А поскольку был Милюков неглуп, вполне и придумать может, как с Лениным справиться и не пустить его во власть. Предупрежден, значит, вооружен, главное, знать, на каком участке сосредоточить усилия, а они тогда не имели представления, кто придет. Один только жандармский полковник Спиридович понимал, да кто его слушал?

Ну и тут прошлый аргумент ломал всю конструкцию, как ни хотелось Славе предотвратить хотя бы октябрь, но если Милюков на курорте где-нибудь на Лазурном берегу (как раз лето за окном), что тогда? Кого он еще знает из того времени – умного, влиятельного и не оголтелого?

То-то и оно...

Историю надо было учить по-настоящему...

Но подумать тут было над чем...

6

И третий вариант, казавшийся самым правильным, – практический. В той ситуации, которая сложилась, можно было очень неплохо заработать. Единственное условие – никто, кроме самого Прохорова (семья не считается, конечно) не должен был знать о двери.

Когда-то много лет назад, когда он начинал заниматься книгами, приснился ему сон: большая комната с кучей столов. И на каждом столе лежат книги, редкие и дорогие (ну в той степени, в которой он понимал тогда, что такое редкое и дорогое). И задача играющих, как он ее помнил, была выбрать десяток лучших, которые можно было взять с собой. И бедный, начинающий дилер Слава Прохоров проснулся в холодном поту, потому что полночи пытался совместить свои знания, размер и цену раритетов, и никак у него правильно не получалось.

Потом, он уже не помнил откуда, но откуда-то он узнал, что такие сны, или грезы наяву, или просто картинки посещали многих книжников и антикваров: товару отменного сколько угодно – бери не хочу, нужно только правильно выбрать.

Правда, все это несколько напоминало анекдот о том, как чеченец поймал золотую рыбку и она предлагает ему исполнить его желание.

– А что, какой желаний ты можешь?

– Любые... – отвечает рыбка. – Вот три дня назад вытащил меня один армянин и потребовал миллион долларов, так я ему и сделала...

– Адрес, адрес скажи тот армянина... – заорал чеченец.

И здесь в этих мечтах и грезах было вроде бы то же самое: почему все дилеры хотели книг или предметов вместо просто денег, которые они бы получили, продав эти предметы?

Но Слава хорошо знал, что кроме грошей тут был еще азарт: найти хорошую вещь, разобраться с ней (понять степень редкости, отличительные особенности данного экземпляра и т. д.), придумать клиента, которому она может быть нужна. И только потом вставить ему ее «по самые не балуйся», получая наслаждение не только и не столько от денег, а в гораздо большей степени от всего этого гарнира.

И сейчас Прохоров фактически оказался в такой комнате.

Антиквар ведь, как любой торговец, зарабатывает в двух случаях: либо он знает, где купить дешево, либо кому продать задорого. И не важно, что в первом случае квалификация зачастую подменяет такое знание дешевых источников, которых никогда не бывает много: опытный человек видит в книге или предмете что-то, чего не видит ее продавец – автограф, знание о том, что тираж был уничтожен, марку какого-то производителя, которая ничего не говорит лоху, но много – специалисту. Все равно – специалист, используя свои знания – покупает задешево, просто с годами и ростом класса такие ситуации заменяют везение: знание одерживает победу над случайностью.

Легко себе представить, что в этом, пока неизвестном Славе году, в ста метрах от его квартиры, ну может, в полукилометре, где-нибудь на Арбате, продается задешево многое из того, что сегодня, в начале двадцать первого века стоит немалые, а то и очень большие деньги.

Скажем, если его расчеты верны и на дворе что-нибудь типа двенадцатого, а лучше тринадцатого года, то «Супрематизм» Малевича он, конечно, не купит. Но что ему мешает, если все совпало, поискать и найти первую книгу Маяковского «Я», а это, по сегодняшнему дню – тысяч пятнадцать, а то и двадцать долларов.

Кроме того, если только поэзию считать, есть уже «Вечер» Ахматовой и «Путь конкистадоров» Гумилева. Может быть, уже вышел «Камень» Мандельштама, точно есть «Вечерний альбом» Цветаевой. Жаль, что «Блинец в тучах» Пастернака и первая книга Набокова «Стихотворения» выйдут позже.

Но и того, что он навспоминал, уже было на сотню тысяч долларов и это при условии приличных экземпляров, а здесь они могли быть только отличные, временем не траченные, а значит, можно ввести коэффициент полтора.

И тут они должны были стоять три копейки. Как говорил Володя, средняя цена поэтической книги в это время колебалась вокруг рубля. Кроме того, по его же словам, а он знает, Слава никогда не встречал лучшего специалиста по поэзии Серебряного века, зачастую свои книги продавали сами сочинители прямо на дому.

Приходишь этак к Пастернаку домой и просишь продать «Близнеца», а заодно говоришь:

– Не могли бы вы мне еще и автограф написать?

– Почему же не мог бы? – удивляется Пастернак. – Пожалуйста... Как ваше имя-отчество?

Тут возникает, правда, соблазн, даже два. С одной стороны, автограф такого известного лица удваивает цену. С другой стороны, автограф такого известного лица другому известному лицу такого же ранга, например, Цветаевой, добавляет еще немалую сумму.

Но вот как посмотрит Борис Леонидович на то, что неизвестный ему человек просит написать автограф его знакомой? Слава, правда, не помнил, были ли они в предполагаемом им тринадцатом году знакомы, он просто в принципе обмозговывал эту ситуацию.

Так что писать Марине Ивановне не годится. А вот кому-то, кто еще не прославился, например тому же Набокову-Сирину – можно и даже соблазнительно, пусть потом литературоведы ломают себе головы, как такое может быть.

Другой соблазн, назваться именем вообще не поэта, а какого-нибудь политического деятеля, о котором Пастернак в то время слышать просто не мог. Как бы выглядела на «Близнеце» такая надпись: «Иосифу Виссарионовичу дружески Борис Пастернак. 1913 год»?

Да сколько хочешь денег за такое можно получить с того же Гороха, например. А если...

А если, и это будет второй соблазн, попросить написать что-нибудь вроде «Дмитрию Анатольевичу Медведеву на память от автора» – пусть все вокруг сходят с ума, видя такое...

Ну а почему он уперся только в поэзию?

У нее правда есть два достоинства: она дешевая в это время и занимает небольшой объем. Вот вышла примерно в это время книга Александра Бенуа «Царское село». Стоит она сегодня тысяч двадцать, а то и больше, но...

Но и здесь она должна стоять сотню-другую, а тащить ее откуда-то при общем весе килограмма в четыре совсем не улыбается...

Да и если переходить к вещам роскошным и супердорогим, то где-то в Москве ведь есть магазин фирмы Фаберже. Что ему мешает пойти туда и купить пару штучных, не поточных предметов? А это же совсем другие цены, тут десятками тысяч не отделаешься...

Слава даже крякнул от удовольствия, представив себе перспективы. Однако и тут все было непросто...

7

И возникал ряд вопросов.

Во-первых, деньги. Решить его было несложно, бонны этого времени там, в соседнем мире не стоили почти ничего, это Прохоров знал точно, кроме каких-то коллекционных, но вряд ли здесь нужны коллекционные.

Однако есть нюансы...

Во-первых, надо точно знать дату – какое, милые, у нас тысячелетие на дворе, а лучше год, месяц и даже число. А то вытаскивание в двенадцатом году пачки денег с датой «1913» могло закончиться весьма для Славы печально.

Во-вторых, а как они платили?

Наличными?

Чеков вроде еще не было?

Или были?

Или при крупных расходах оставляли визитку, потом хозяин лавочки приезжал по указанному адресу, привозил заказанное и там получал все сполна? Где-то Прохоров читал про такой способ расплаты, только вот не помнил – Европа это современная или Россия начала двадцатого века?

Как правильно расплатиться, не привлекая особого внимания?

Надо залезать в Интернет, искать ответы на странные вопросы.

Да и кроме денег проблем немало:

Например, одежда. Надо точно знать, как они одевались и не только во что, но и кто во что – дресскод, как сейчас модно говорить. А то наденешь шмотку какую-нибудь, а тебя в приличный магазин не пустят, сразу городского вызовут.

Да и где их взять, шмотки эти, чтобы по времени и в размер. Есть в Москве пара магазинов, которые не отказываются от одежды старинной, да только ее там раз-два и обчелся и притом она в основном женская. Что интересного в сюртуке или даже фраке? А вот платье с фижмами (что это такое Слава не знал, но слово слышал) или шляпка с рюшечками – совсем другое дело.

Так что шансов подобрать что-то в магазине – ноль-ноль и повдоль, как говорится...

Есть, конечно, некоторые знакомые в кино, на «Мосфильме» костюмерная богатая, но если там чего-то тоже не найдется? Что тогда? А ведь еще обувь, она должна быть в том времени и точно по размеру, ходить, если все будет правильно, придется немало... А есть ли на студии большой выбор ботинок и сапог разных времен, Прохоров не знал...

Есть еще вариант – надеть что-то приблизительное, а в ближайшей лавке купить комплект того времени. Но тут все тоже непросто: как спросить что тебе нужно, когда ты не знаешь, что тебе нужно? Какое отношение вызовет человек, который приходит в магазин и покупает все от носков до шляпы? Как он будет выглядеть, когда какой-нибудь служащий магазина, желая угодить богатому клиенту, поможет ему раздеться и увидит трусы образца 2013 шортиками в цветочек? Слава помнил, как в романе Стругацких «Трудно быть богом» страдал главный герой, Дон Румата Эсторский, из-за отсутствия белья.

Ему, Прохорову, может, какие-то кальсоны надеть, когда он соберется в магазин?

Упреешь же по нынешнему лету...

И еще – а как они говорили? Ведь точно не так, как мы. И значение слов для нас и для них далеко не всегда совпадало. Вот сборник «Знания» для продавца и для Славы сборник, а сборник стихов – так говорили? Ничего вроде бы не

мешало спросить сборник стихов Цветаевой, но если у них такой оборот речи вызовет неприятное ощущение ошибки, неправильности?

А если таких неправильностей будет много?

Если бы Прохоров понимал, что поход за «товаром» будет один – да Бог с ним, его ли дело переживать за самоощущение приказчика в книжном магазине? Но было ясно, что одним разом тут не отделаешься, или надо повести себя, как лох – оторвать кусочек и убежать. Или надо точно соответствовать, хорошо подготовиться и, наметив себе пять точек, под метелку их вычистить, а потом забыть. Но время-то тут у них между революциями, народ настороже, стукнут в полицию и будут искать человека в полосатых штанах и котелке в цветочек, пока не найдут. А за пять раз точно найдут, и приведет он их в свою комнату – непорядок...

Дальше, адреса – куда идти-то?

Тут все более-менее просто: найти книгу «Вся Москва» за нужный год (перед революцией и сразу после они издавались регулярно) и там все посмотреть: книжные лавки, адреса поэтов, магазин Фаберже.

А если это другой конец Москвы, как туда добраться?

Извозчиком?

А сколько платить?

Где взять тарифы?

Интересно, на что смотреть во «Всей Москве»: места, где могли продаваться картины? Галереи? Магазины? Как хоть они назывались-то, эти места? Или художники торговали прямо из своих мастерских, как поэты из дома?

Поди кисло прикупить тут большого Врубеля или Кончаловского. Слава точно не помнил, возможно, для первого тринадцатый год слишком поздно, а для второго слишком рано, но ведь и разговор идет о многих сотнях тысяч долларов, тут не запахло и в Сети посидеть, все выяснить...

Хотя вот приволочешь такую картину в двадцать первый век, а какая-нибудь музейная сыкуха двадцатипятилетняя тебе расскажет, что Серов таких картин не писал, потому что вот этот мазок ему не свойственен. Ты же ей не сможешь сказать, что покупал вещь у самого автора и он в тот момент не сомневался в ее подлинности. Или пятидесятилетняя климактерическая мымра, которую бросил муж, начнет мстить всем вокруг, а ты – подходящая кандидатура, потому что целиком зависишь от ее слова, и она тебе прошипит, что тут у вашего так называемого Бакста видно влияние Бердслея, а по нынешнему состоянию российского искусствознания может быть только наоборот, так что забирайте свой мусор и несите его прямиком на помойку.

А что, не могло так быть?

Да бывало уже десятки раз, Прохоров потому и занимался сейчас только книгами, что их еще практически не подделывали, да и сам он в состоянии был отличить ксерокс от типографской печати и не зависел ни от сыкух, ни от мымр.

«Нет, с картинами связываться не будем... – решил он. – Книг и Фабера вполне хватит, вот только...»

Вот только все, что он тут себе насочинял и напридумывал, требует времени, и немало. Даже сравнительно простая последняя проблема – адреса. У него точно не было «Всей Москвы» за 1913 год, и есть ли она у кого-то из коллег или в магазинах – вопрос, а без нее никуда... Можно, конечно, отсканировать в библиотеке, да только скан – это либо компьютер должен быть под рукой, либо ты таскаешь с собой целый ворох страниц, отпечатанных на принтере, вряд ли и то и другое покажется нормальным в тринадцатом году...

Да и вообще, с чего он взял-то, что тут тринадцатый год? А если двенадцатый? Для них разницы почти никакой, а для него существенная – другие деньги, другие адреса, да и явиться к Мандельштаму за книгой, которую он еще не написал, а то и не задумал, вряд ли будет комильфо.

А как узнать год?

Казалось бы, просто – возьми свежую газету и посмотри на дату. Но для этого надо знать, где тут берут газеты. Вряд ли они висят под стеклом на бульварах, как было при большевиках еще двадцать пять лет назад. Вроде бы они в

трактирах и ресторанах газеты читали, но вот туда идти Слава точно побаивался. Одно дело ты в дурацком виде прошел мимо кого-то, другое – ты в дурацком виде зашел в магазин и купил на большие деньги: решат, что чудака и как клиент ты им важнее, чем все твои странности.

Но вот прийти и плюхнуться в трактир, явно вываливаясь из пейзажа и сколько-то там просидеть, дразня половых своим видом и поведением – стремно.

В общем, множество вопросов мог помочь решить Володя, не только литературных, но и бытовых, время свое он знал с разных сторон. Прохоров достал телефон, понял, что сидит тут уже два часа и концерт вполне мог закончиться, и пошел в свою комнату, чтобы восстановить роуминг и позвонить дочери.

Но уже на границе комнат и миров вдруг услышал шаги, и кто-то осторожно коснулся ручки внешней двери с этой, исторической стороны.

8

Слава так и замер с поднятой ногой.

И принялся ругать себя...

За то, что думал только о том, как заработать, хотя были более животрепещущие вопросы...

За то, что вместо того, чтобы мечтать о том, как, наконец, разбогатеть, нужно было прикидывать, как строить разговор с неизвестным, который явно, рано или поздно, сюда вернется...

За то, что встречу эту можно было, хоть и трудно, просчитать...

Например, простой вопрос: правильно пускать сейчас человека в его квартиру или надо было найти заранее подходящую палку и заклинить вход.

А когда он все-таки войдет (история с палкой явно глупая, тут могут и полицейского пригласить, вот будет желаемая встреча), быть в этой комнате или пока спрятаться в своей?

Дать ему осмотреться, поглазеть по сторонам, увидеть пролом в соседнее помещение или сразу выйти навстречу?

Начать с того, что «я мол из будущего...» или попробовать все-таки понравиться, найти общий язык, а уж потом бить по голове странными новостями?

С человеком явно нужно договариваться, а ни одного аргумента для предстоящего разговора Слава не продумал...

Но ведь не договориться нельзя, какой бы вариант из двух обдуманных раньше наш герой ни выбрал, нужно иметь с «соседом» нормальные человеческие отношения, а еще лучше просто сотрудничать.

Сделать вид, что ничего нет, что ни соседа, ни его комнаты просто не существует, нельзя. Рано или поздно он сам придет, да скорее всего, не один...

И уж тем более нельзя вступать в конфликт, такой вариант вообще может привести к непредсказуемым последствиям.

Если сосед обратится в полицию, а это в те времена при конфликте – норма, то что произойдет?

Городовой или как там его, обнаружит дверь, войдет, увидит телевизор и порубает его шашкой?

А через окно углядит машины и голых (с его точки зрения) дам и не спеша сойдет с ума...

Или успеет, перед тем как рехнуться, вызвать начальство?

А начальство, убедившись, что Держиморда не пьян и все правда, доложит по инстанциям.

И прибудет отряд жандармов и выйдут они на свет Божий посреди Москвы две тысячи тринадцатого года?

И что сделают?

Тут Славина фантазия отказывала...

Но ничего хорошего он от такой ситуации ждать не мог и не ждал...

Но еще хуже будет, если получится наоборот, то есть если в открывшуюся дверь тронется кто-то из сегодняшнего дня во вчерашний...

А такое возможно...

И довольно легко, если не сговориться с хозяином.

Потому что если в проем сунутся городовые или жандармы, то Прохорову придется просто бежать... Сидеть в тюрьме, когда тебе шестьдесят, хорошо сегодня только в Норвегии, а вот Россия ни тогда, ни сегодня для такого образа жизни не была страной подходящей...

А если не бежать, то защищаться. Силой от силы: значит, либо менты, либо бандиты.

И те и другие в записной книжке имелись...

И ни те, ни другие для этой роли не годились...

Потому что представить себе нынешних ментов в те времена было еще трудней, чем жандармов в наши...

А уж бандюков...

А их появление на арене было более чем реально. Слава был почти на сто процентов уверен, хотя никаких прямых доказательств не имел, что где-нибудь в доме напротив снята квартира и там сидит человек Гороха и бдит, чтобы наш

герой не попятит чего-нибудь хозяйского...

Рекомендации – рекомендациями, старое знакомство – старым знакомством, но гаденыш отлично понимал, что некоторые экземпляры своей коллекции, если Прохоров их попятит, он уже не восстановит никогда, и ему дешевле было организовать круглосуточное наблюдение, чем потом ловить своего библиографа по всему свету.

А что будет, если Горох с его жаждой денег и власти, с его извращенным умом и умением придумывать всякие подлости, попадет в девятьсот тринадцатый, никакая Кумекая Сивилла не могла бы предположить и никакой великий Данте не смог бы нафантазировать.

Ясно было одно, что если дверь будет работать, то надо бежать из России подальше, но если туда, в прошлое, попадет Горох со своими возможностями, то эмигрировать придется не из России, а с планеты Земля.

Значит, допустить этого Слава не мог и нужно было, просто необходимо с «соседом» договариваться...

Только как это сделать?

Рассказать, что вот я просто сосед, предварительно вынеся из квартиры все, что выдает его, Прохорова, с головой?

Или наоборот, честно признаться, откуда он?

Провести его в свою комнату и показать телевизор и холодильник или достаточно телефона, как в случае с Милюковым?

Как сделать так, чтобы человек не закричал ни когда увидит дыру в стене, ни когда увидит Славу в рубашке с короткими рукавами и джинсах, ни когда увидит телефон с телевизором?

Что делать, если он все-таки закричит?

Если человек русский, то для достижения хоть какого-то взаимопонимания рано или поздно с ним придется выпить, а Слава вот уже лет двадцать не пьет, и какой эффект произведет на него водка после такого перерыва?

А если это татарин (почему-то в голове крутилась фраза неизвестно из какого романа или рассказа – «дворник-татарин») и он плохо говорит по-русски, как с ним вообще изъясняться?

Ручку входную опять подергали, потом слышались удаляющиеся шаги. Слава выдохнул воздух, опустил ногу и прислонился к стене. Эти тридцать секунд, которые прошли между первым явлением кого-то за дверью квартиры и его уходом, прибавили нашему герою десятка два седых волос и точно украли пару недель жизни.

9

Он все-таки собрался, взял себя в руки и сделал шаг домой, тут хоть лечь можно было, в себя прийти после таких треволнений.

А телефон тут же взорвался бешеным звонком.

– У тебя все в порядке? – осторожно спросила дочь.

– В порядке... – Слава прилег все-таки, телефону такое положение тела никак не мешало, а Марина видеть не могла. – А в чем дело?

– Концерт отменили, – она еще не до конца успокоилась, – мы решили погулять, а потом зайти к тебе, только ты уже больше часа не отвечаешь...

– Понятно, а сейчас вы где?

– Да рядом тут...

– Тогда давайте-ка сюда валите...

– Значит, все-таки что-то случилось...

– Да не в том смысле... Жду...

– Сейчас будем...

«Интересный вопрос, – подумал он, вставая и направляясь к умывальнику, – а не поставил ли мне Горох еще пару жучков сюда для прослушивания?»

Холодная вода приятно освежила щеки, лоб и главное – уши. Видно там, в ушах, были какие-то рецепторы или как их называют еще, которые всегда приводили в чувство, если их охладить.

«Не должен, – он покрутил головой, – пасти меня ему может казаться необходимым, но он прекрасно знает, что я живу бобылем, и с кем могу разговаривать, чтобы его интересовало? В крайнем случае, может заказать распечатку моей прослушки и прочесть все, что его интересует, потому что разговариваю-то я в основном по телефону, и Горох это знает...»

Он оглянулся, прикидывая, чем закрыть с этой стороны проем в стене.

Холодильником?

Не пойдет: и уже, и ниже, и не очень понятно, зачем я его сюда передвинул, если кто спросит.

Да и как его в одиночку ворочать, когда «сосед» вернется?

Дочь открыла дверь своим ключом, за спиной маячил Володя. Они оба уставились на дыру в стене.

– Это что?

– Проходите, гости дорогие... – сказал он, прикидывая, что вот именно так – сразу и всерьез и будут реагировать люди, когда увидят проем. – Присаживайтесь, сейчас все объясню...

Забавно было, что и Маринка и Володя сели так, чтобы дыра была сбоку, а не за спиной.

– Для начала хочу сказать, – он откашлялся, горло несколько перехватывало от волнения, – что я трезв, в здравом уме и твердой памяти. Поэтому, не надо сразу вызывать чумовозку...

– Пап, это ты что, так теперь шутишь? – дочь перевела глаза на него. – Не лучшим образом...

И опять посмотрела на проем.

– То, что ты услышишь дальше, – он покачал головой, – требовало такого предисловия... – Он с шумом выдохнул воздух. – Ладно, с Богом, помолившись: за этой дырой находится квартира, хотя там ее быть не может, но она расположена в начале двадцатого века...

– Построена в начале двадцатого века? – переспросила дочь с сомнением в голосе. – Или оборудована в начале двадцатого?

– Папа хочет сказать, – тихо проговорил будущий зять, – что здесь у нас двадцать первый век, а там – он показал рукой в сторону темного проема, – двадцатый, точнее его начало...

– Как ты догадался? – напрягся Прохоров.

– Стал бы ты столько книксенов делать, – улыбнулся Володя, и сразу напряжение нашего героя спало, – если бы там была просто современная квартира, которая случайно открылась... Пускай она хоть в каком модерне...

Слава в который раз порадовался выбору дочери. Иметь зятя, который умнее тебя – здорово, хотя и не очень приятно.

– А какой там год? – живо поинтересовался Володя.

Он даже встал, подошел к проему, заглянул внутрь, хотя было уже темно и почти ничего не видно.

– Точно не знаю, – отозвался наш герой. – Между девятьсот седьмым и тридцать первым...

– Почему такой разброс? – не понял «зять». – Ты не выходил наружу? – он глянул на Славу. – Ах, да, в таком виде...

– Послушайте, вы, – в голосе дочери слышались слезы, – вы что, хотите сказать, что там дверь в другое время? И так спокойно это обсуждаете? Как будто нашли проход в соседний переулок...

– Тут ничего не поделаешь, – Прохоров подошел, хотел, как в детстве пригладить ей волосы, но она отстранилась. – Там действительно начало двадцатого века, а мы нечувствительные мужики, которые неправильно на это реагируют...

– Мари, – Слава в первый раз услышал, как «зять» называет его дочь вот так по-французски, с ударением на втором слоге, – папа ведь не виноват, что нашел ее, а то, что такие вещи могут существовать...

– Не могут... – Марина уже просто плакала, – не могут, потому что не могут быть никогда...

Мужчины стояли рядом, пытаясь понять, что делать. И Прохоров понимал, надеялся, что и будущий зять это понимает, что это не бабское, что это просто ужас перед навалившимися проблемами, которые она, пускай не все осознает, но чувствует гораздо лучше их обоих.

А Марина вдруг встряхнулась как-то, подняла голову, вытерла глаза.

– Я – идиотка? Простите меня, прекрасно понимаю, что сейчас возник миллион проблем, а тут еще я со своей истерикой. Папа, знаю, ты уже все обдумал, что надо делать, скажи нам...

«Ну вот, – подумал он, – вот и оправдывается в очередной раз теория, что с женщиной лучше всего подождать, пока она сама в себе найдет правильные аргументы. – Он, наконец, погладил Марину по голове, она в ответ прижалась к его животу. – Правда, и женщина должна быть подходящая, не с сумкой «Луи

Витон» вместо головы...» – не без гордости пронеслось в голове.

– Проблем столько, – начал он, – что все их не успеет обдумать даже супер... – он хотел сказать «суперкомпьютер», но подумал, что слишком много чести для компьютера такое сравнение и закончил по-другому, – супермен...

Отчего получилось еще глупее.

Слава тряхнул головой, подошел к проему.

– Давайте по порядку: проблема номер один – чем закрыть эту дыру, если явится Вадик? Холодильник не годится, занавеску вешать на стене – идиотизм, а ничего другого мне в голову не приходит...

– Вы давайте сразу вторую проблему, – Володя уже сидел за компом, щелкал клавишами. – По первой у меня есть идея...

– Вторая проблема, – Прохоров вздохнул, – надо как-то установить контакт с тем, кто там живет...

– А там кто-то живет? – в один голос закричали «зять» с дочерью.

10

– Конечно, – удивился Слава, – там же квартира, значит, кто-то живет...

– И ты его видел? – ужаснулась дочь. – Вы разговаривали?

Володя покачал головой, повернулся к компу, опять защелкал клавишами. Он прекрасно понимал, что с его несколько аутичной натурой подобные проблемы, связанные с общением, разрешить невозможно в принципе.

Ну и не лез никогда в такие разговоры.

– Нет... – Прохоров нетерпеливо щелкнул пальцами. – Я же говорю, надо понимать, как заговорить с человеком, когда он появится, как его не напугать, а наоборот, приголубить и заставить себя полюбить...

– Фига себе задачка, – дочь покачала головой, – как заставить полюбить себя человека, которого ты не видел, не знаешь про него ничего, да и вообще он другой культуры. Прямо готовое название для американского бестселлера из серии «Библиотека популярной психологии»...

– Нечего ржать... – оборвал ее отец. – Думай, потому что решить задачку эту нельзя, но как-то подготовиться к ней можно. Например, сразу ему говорить, откуда я или наоборот, сначала попытаться убедить, что я свой, местный...

– Сами мы не местные... – задумчиво сказала Марина.

– Да ну тебя...

– Идите сюда, – позвал Володя, – прервите свои многоумные размышления и посмотрите, по-моему, это подходит.

На мониторе был изображен книжный шкаф в современном его понимании. Слава такой не купил бы себе никогда, хотя для данного конкретного случая, видимо, придется это сделать. Сооружение напоминало стенку для тренировки альпинистов: полки были разной ширины и длины, шли они на разной высоте и цвета тоже были всевозможного. Место для книг было немного, хотя сама конструкция площадь вдоль стены занимала немаленькую. Видимо, тот, кто это придумал, решал задачу декоративную, а не утилитарную: ты считаешь, что должны быть в доме книги и шкаф для них, вот тебе, собака, подавись своими книгами.

– И где это взять? – спросила Марина.

– А он тяжелый? – спросил Слава.

– Отвечаю по порядку: устойчивый и легкий. Один мой приятель купил сдуру, сейчас и выбросить жалко, и поставить у себя стыдно, да и книги не вмещаются... Так что он ищет кому подарить, не обидев...

– И что я туда поставлю? – Прохоров озадаченно почесал затылок, его книги были упакованы и лежали на черемушкинской кухне накрытые несколькими слоями газет в штабеле других коробок с домашним скарбом.

– Библиографию... – не раздумывая, ответил Володя. – Заодно и хорошая отмазка от излишне любопытного Вадика. Книги нужны, потому что информации в Интернете не хватает.

– А где я их возьму? – Слава давно продал все свои «книги о книгах», потому что информации в Сети как раз хватало.

– Я привезу... – Володя повернулся к «тестю». – Свои, у меня много ненужных и редких – областное, описание научных библиотек и прочая ерунда, так что выглядеть будет все «чики-поки». Завтра часов в двенадцать устроит?

– Давай... – согласился Прохоров. – Одна проблема вроде бы решена...

– Мне кажется, – вступила дочь, которая только скользнула взглядом по монитору, история с полками ее как-то не затронула, и она, вернувшись на свое место, все время, пока мужчины решали свои проблемы, просидела одна. – Мне кажется, что лучше все-таки сразу сказать... Потому что когда он потом узнает, что ты не местный, у него будет ощущение, что его обманули. А для первого контакта сразу наврать и быть пойманным – это перебор, как кажется...

– Согласен... – Слава тоже так думал. – Но вот как сказать? Вы вон, меня знаете, как облупленного, и то в себя прийти не могли, когда слышали, а тут незнакомый человек...

– Ну, наверное, – тянула дочь, это она еще не успела придумать, – надо просто сказать – так, мол, и так, я из будущего, прошу любить и жаловать...

Наш герой сидел с кривой усмешкой.

– Ну да, не очень... – согласилась Марина. – Но врать в этом случае нельзя, я уверена... – она опять посмотрела на отца. – Ну придумай сам, ты же у нас специалист по контактам...

Прохоров в самом деле считался переговорщиком, все знали, что, несмотря на скверный характер, в нужные минуты он мог взять себя в руки, услышать того, с кем говорил, найти компромисс и, что главное, объяснить собеседнику, в чем лично его выгода и почему он должен поступить так, а не этак.

– Только надо еще изобрести, как сделать так, чтобы он не закричал... – оказывается, Володя, который продолжал щелкать клавишами компа, разговор при этом слышал. – А то не ровен час, испугаются, кликнут городского, а тот на съезжую поволочет...

– Что такое съезжая? – спросил Прохоров, хотя в принципе догадывался, о чем идет речь.

– Неважно, – Володя кивнул на монитор, – важно вот что: «Термин “съезжая” применялся в 18-19 веках к городским полицейским органам». – Он обернулся к Славе: – Ты к кому собирался, кстати?

– В смысле? – не понял тот.

– Ну, есть идея, думаю, ты сам до нее дотумкал, что нужно пойти и купить хороших книжек, а еще лучше их подписать у авторов...

Наш герой задумчиво глядел на «зятя», он начинал его побаиваться...

– Подожди, Вов, – прервала их беседу дочь, – давай степ бай степ. Надо же отцу помочь, а не только о книгах думать... Как ему сказать-то?

– И как сделать так, – язвительно повторил «зять», – чтобы клиент не закричал и в обморок не грохнулся...

– Я вот что думаю, – начал Слава, похоже, мозг его мог не только реагировать на происходящее, но параллельно решать насущные задачи. – Идей у меня две, зацените, как сейчас говорят. Во-первых, надо начать с того, что представиться как-нибудь так: меня зовут Вячеслав Степанович Прохоров, я живу в городе Москве, хотя родился в Саратове в тысяча девятьсот пятьдесят третьем году. Информации много, человек пока по ней мысленно пробежится, у меня будет пара минут, чтобы его разглядеть и оценить, что от него можно ждать. Да и он в

такой каше услышит год рождения, да не сразу поймет, о чем я, да не сразу внимание обратит, не сразу оценит...

– Мне нравится... – сказала дочь.

– Мне тоже... – согласился «зять». – А что еще?

– А еще, когда до него дойдет и он начнет челюсть на пол ронять, – Прохоров поскреб свою щеку, – нужно сделать что-то экстраординарное, неожиданное, чтобы он на мое поведение реагировал, а не на новости...

– Например? – спросила дочь.

– Ну не знаю, – Слава пожал плечами, – на колени упасть... Или закричать петухом... Или достать из кармана какую-нибудь свистульку и подуть...

11

Заснул в эту ночь наш герой поздно.

Еще долго сидели, обсуждали разные проблемы, решали, кто и чем будет заниматься. Прохорова приковали дома – «сосед» мог объявиться в любую минуту, а значит, наш герой всегда должен быть на месте и наготове. Представить себе, что будет делать оставленный на произвол судьбы человек начала двадцатого века в начале двадцать первого – никто даже не пытался пробовать.

– Да он просто не поймет, – горячился Володя (будущий тесть первый раз видел, как горячился «зять»), – куда он попал. В тот момент, когда его собьет машина или забьют менты в «обезьяннике», он так и не будет соображать, где он и как тут оказался. А главное – за что, потому что, скорее всего, решит, что он в аду. Это мы сегодня привычные ко всяким чудесам, а в то время фантастики почти не было и сама идея путешествия во времени практически не рассматривалась...

– А «Янки при дворе короля Артура»? – возразил Слава.

– Но это же путешествие назад, в прошлое... – возразил «зять», – А кроме того, кто в России в то время прочел роман малоизвестного американца?

– А «Машина времени» Уэллса? – вступила Марина. – Там вроде бы все в порядке – путешествие в будущее?

– Смотри вторую половину ответа на предыдущий вопрос, с той только разницей, что американца надо поменять на англичанина. В общем, пока не будет кино самым массовым из искусств, а в нем чего-то подобного про будущее, для среднего человека сама идея останется непонятной... Или мы считаем, что тут живет Федоров с Циолковским?

В общем, решили, что Слава никуда до встречи с «соседом» из дома не выходит, а всем необходимым его будут снабжать дочь с «зятем».

Потом перешли к техническим вопросам.

Почти все они упирались в дату, в то, что непонятно было, какой год там, с той стороны. Деньги, костюм, сборники поэзии (Володя идею с «Царским селом» и подобными дорогими и тяжелыми изданиями так же отверг) – все упиралось в знание года.

Идея с газетой всем понравилась. «Зять» тут же сказал, что их в это время было легко купить на вокзале (ближайший Киевский, а до него километра три по незнакомому городу с большими шансами заинтересовать полицию), а Маринка вспомнила мальчишек на улицах, выкрикивающих разные новости. Ясно, как Божий день, что они продавали газеты.

В общем, решили так: Прохоров устраивает наблюдательный пункт у окна, ловит любые знаки, которые помогут определить, который год. Дочь занимается костюмом, чтобы он мог хоть как-то соответствовать и выйти купить газету.

А после, когда дата будет установлена, вступает в дело Володя. У него, оказывается, было достаточно материала, чтобы почти на каждый день десятых годов знать, какой поэт и писатель где находился, что делал и в какой компании.

– А ты почему такую роскошную хронологию не публикуешь? – изумленно спросил Слава.

Ему в голову не могло прийти, что кто-то поднял и так подробно проработал подобную массу материала.

– А кому она нужна, – беззаботно махнул рукой Володя, – кроме нескольких историков литературы, а они про мои данные и так знают и, если что-то ищут, просто пишут мне...

Кроме того, «зять» взял на себя еще распечатать нужные данные из «Всей Москвы» за uznанный год. Оказывается, у него они (толстые книги по девятьсот страниц!) почти все были отсканированы.

– Все я не нашел, но не думаю, что двенадцатый год так уж сильно отличался от тринадцатого, так что посмотрим за близкий к найденному году, и все...

Еще он поставил вопрос о деньгах. Да, боны за николаевское время не стоили в начале двадцать первого века почти ничего, и их было много. Но Володя справедливо заметил, что как только они начнут скупать их, цены могут резко взлететь, а сами боны исчезнуть из обращения. Нумизматы – народ ушлый, сразу почувствуют, что здесь что-то не так, и затаятся.

А сделать это незаметно – почти невозможно.

– Конечно, – сказал он, – легко представить себе, что в нумизматическую лавочку приходит человек и просит полную коллекцию бон за это время. Можно даже две: одну на подарок сыну, другую – ему же для обмена с приятелями. Но в Москве мест, где можно купить такой набор – пять, от силы десять. Можно еще запустить человека, который купит по две-три дорогие бумажки – «катеньки» там или «петры»...

– Что такое «петры»? – тут же спросила дочь.

– Пятисотрублевые банкноты, – объяснил Володя. – Но уже второй подобный визит в лавочку вызовет настороженность, а на третий ребята просто изымут все такие боны из продажи, пока не выяснят, что происходит.

– И что делать? – поинтересовалась опять Маринка.

– Ну, во-первых, – прикинул Слава, – можно проехаться по Подмоскovie. Я в Сергиевом Посаде видел пачку таких бон и в Звенигороде тоже. А во-вторых... – он даже засмеялся, настолько ему понравилась идея, – можно объявить, что какой-то новый русский решил оклеить себе кабинет «петеньками» и «катеньками». Конечно, цены тоже поднимутся, но не сильно, потому что тут понятно зачем, зато скупить их можно будет все, какие есть в наличии на рынке...

– Годится... – резюмировал Володя и что-то напечатал в компьютере.

– Ты что там отмечаешь? – поинтересовался хозяин дома.

– Записываю вопросы, которые надо решить, а если решение находится – ставлю галочку...

Слава подошел и заглянул через плечо. Список был грамотный, и он даже загордился немного – ничего нового умный «зять» не придумал.

Конечно, он не стал рассказывать детям о своих размышлениях по поводу спасения человечества. Боялся показаться смешным, кроме того тут слишком много надо додумать и «зять», скорее всего, в этом деле ему не помощник. Вряд ли у Володи, в его хронологии литературной нашлось место для политических деятелей и он не сможет сказать, где был Милюков в тот или иной момент.

Придется искать самому...

Правда, «зять» поразил нашего героя, когда уже перед самым уходом сказал потягиваясь:

– А жаль, что нельзя найти какого-нибудь террориста из того времени, – он грустно усмехнулся, – и отправить сюда, чтобы он тут с нашими властями порядок навел. Их ведь в то время хлебом не корми, дай только убить какого-нибудь важного политика...

Значит, и об этом подумал. Так, правда, несколько своеобразно, нашему герою в голову не пришло такой поворот сюжета представить.

Слава закрыл дверь за гостями, сел на свое кресло у компа, пощелкал клавишами, посмотрел новости. Не то чтобы его очень интересовало, что произошло в стране, на это он уже давно перестал обращать внимание. Просто спать не хотелось, а работать – описывать библиотеку Гороха – в час ночи казалось какой-то дикой глупостью, чуть ли не святотатством.

Новости были все те же: автобус перевернулся, президент поехал туда-то и сказал то-то, американцы в очередной раз обосрались. А вот это смешно и страшно: Горох подарил музею своего родного города первое издание книги Гоголя «Ганц Кюхельгартен». Тот был редкостью неопишуемой, Николай Васильевич сам, своей рукой уничтожил почти все экземпляры, и кто-то недавно спроворил на принтере подделку. Вполне приличную, на старой бумаге с обложкой. Она долго ходила по рукам, пока в нее не вляпался Горох. Потом узнал откуда-то, что ему вставили туфту, и сколько сегодня народу за это кормят рыб в Москве-реке, история умалчивает.

А фуфел, получается, был подарен музею. Типичный Горохов – из любой ситуации извлекать всю возможную выгоду.

Прохоров вдруг понял, что состояние лихорадочной активности, которое колбасило его последние несколько часов, отступило, что он с трудом различает буквы на мониторе. Тогда он выключил комп и отправился спать.

12

И снился ему странный сон. Точно как в ту пору, когда он начинал свою книжную деятельность, снилась ему большая комната со столами.

А на столах – книги.

Странность была не в этом, не в повторе сна через почти сорок лет, а в том, что Слава спал, видел сон и одновременно осознавал, что он спит и видит сон. И в

этом сне он подумал, что за эти годы класс его как книжника явно возрос и столы стали полнее, а книги на них – дороже.

Конечно, он не помнил, что видел тогда, но вон там лежит, судя по надписи на тонком корешке, «Легенда о Петре Пахаре», скорее всего, лондонского издания 1561 года, и Слава был уверен, что внутри есть знаменитое «Кредо», напечатанное крайне малым тиражом и почти не встречающееся. Тогда, тридцать пять лет назад, он ничего не слышал об этой книге, да и сейчас знал только потому, что она как-то попалась ему и пришлось заниматься ее историей.

Прохоров даже не стал брать экземпляр со стола, он хорошо помнил, как мучительно избавлялся от предыдущего, потому что собирателей иностранных книг в России не было, все соглашались: да, редкость невероятная, но покупать не спешили. А контрабандой тащить ее на аукцион куда-нибудь в Лондон, не очень хотелось. Наш герой слишком хорошо помнил советские времена, и там, где можно было не нарушать закон, старался его не нарушать.

Куда он ее дел тогда?

Кажется, разменял с Валетом на гору дурацких собраний издательства Маркса. Это, с точки зрения любого нормального библиофила, были не книги, но в отличие от «КНИГ», они продавались.

Он перешел к следующему столу, потому что на первом, как он успел разглядеть, лежали только иностранные издания, а на них сегодня смотреть не хотелось, как на бывшую красавицу, сильно состарившуюся и никому не нужную.

Тут, на втором, все было лучше. Хотя тоже – не гуд. Потому что тут лежала поэзия, но не Пастернаки и Цветаевы, которые «всяк возьмет», а... Слава такие книжки называл «Володины стихи», потому что «зять» как раз такое и собирал. Никому не известные, полузабытые люди, среди которых наверняка есть отличные поэты (наш герой себя в этом вопросе компетентным не считал и со своим мнением не высывался), но только вот продать их было почти невозможно...

Купить, впрочем, тоже. Как известно, на антикварном рынке существуют два класса редкостей: нечто, что стало редким по объективной причине – мало экземпляров изготовлено, что-то случилось с теми, что уже сделали, например,

сгорел склад с готовой продукцией. Для книг еще добавлялся цензурный запрет, когда уже напечатанную книгу забирали в лавках и уничтожали, а еще бывали случаи, когда это делал сам автор, как было с книгой «Мечты и звуки» Некрасова.

А есть другая категория редкостей – вещи, которые никто не собирает, поэтому они никому не нужны. И достать такую зачастую сложнее, чем записную редкость. За вторую, стоит только заплатить соответствующие – обычно очень большие – деньги и кто-нибудь из коллекционеров снимет свой экземпляр с полки. А за первую, да хоть сколько плати, не найдешь, хотя завтра она может попасться за три копейки. Только такого завтра можно ждать много лет.

Вот подобными книжками и был завален второй стол.

Какое-то «Адотронье» какого-то Гаврини Попова, непонятные «Красные ландыши» Саввы Затона, правда, изданные в Швейцарии. А вот эту книжку Слава знал – «Стихетты» Нины Хабиас. Еще тридцать, а то и тридцать пять лет назад ему заказал ее один аспирант. Аспирант тот давно уже академик, а сборника этого, со стилизованным мужским половым на обложке, так и не попало... А если бы попало – профит тут небольшой – если на книгу есть только один покупатель, то цену диктует он, а не продавец.

Слава даже во сне почувствовал легкое беспокойство – что же получается? Он попал в комнату под названием «Мечта книжника», но только ничего коммерчески успешного тут нет?

Хотя нет, вон виднеется какой-то толстый пятитомник, а толстые пятитомники нынче в моде. Наш герой взял первый том и чуть не заплакал. Да, Каррьер «Искусство в связи с общим развитием культуры и идеалы человечества», да с пятым томом, вон он лежит в самом низу. Да, у Шибанова этот комплект продавался за двадцать пять рублей, а без пятого тома – за три.

Прохоров не знал, что там случилось с этим томом, сгорела типография или цензура нашла что-то недозволенное, но вот что он знал точно – у него самого таких комплектов лежало два. Он по привычке за десять лет примерно собрал их, только продать не мог, как ни расписывал редкость, как ни совал в нос шибановские каталоги с десятикратной ценой – бесполезно. Никого не интересовало ни само «Искусство в связи с общим развитием культуры и идеалы

человечества», ни редкость комплекта.

А это что?

Тьфу, пропасть, Минаев «Не в бровь, а в глаз». По какой-то непонятной причине тот же великий Шибанов, который по большому счету создал антикварную книжную торговлю в России, эту книжку занес в свои «Дезидераты русского библиофила». Причем как он это сделал: в предисловии было сказано, что книги, которые он никогда не встречал и посему цены им не ведает, будут отмечены звездочками, в отличие от остальных, на которые указал твердые цены, за которые он готов был их приобрести. Так вот там какие-то немыслимые, по Славиному мнению, редкости – все с ценами, а Минаев, один из немногих – со звездочкой.

Только и этих «Не в бровь, а в глаз» собралось у нашего героя три штуки. Он мог купить еще, хотя сборник действительно был нечастый, попадался не каждый день, а раз в два-три года, да только зачем?

Автоматически он взял экземпляр в руки, когда услышал за спиной вежливый голос:

– Так кому прикажете автограф написать?

Прохоров обернулся, перед ним стоял солидный человек, в маленьких очках и с бородой-мочалкой.

– Позвольте представиться, – вальяжно сказал тот, – Минаев Дмитрий Иванович, родился в Симбирске в 1835 году, умер там же в 1889-м. Так кому соблаговолите – вам или все-таки Владимиру Вольфовичу?

Мысли Славины в ужасе заметались.

Откуда он знает?

Как мертвый может писать автографы?

При чем здесь Жириновский?

И самое главное – его расчет не верен? Раз он встретился с Минаевым, а тот умер в 1889-м, да еще в Симбирске, значит на дворе максимум – 1888-й?

А откуда тогда на подоконнике брошюрня 1905 года?

Он собрался высыпать все эти вопросы (и еще миллион других) на бедную голову мелкого поэта-сатирика, когда вдруг почувствовал что-то холодное на лбу и голос произнес:

– Не делайте вид, что вы спите...

Наш герой приоткрыл глаза, проснулся окончательно и увидел прямо перед собой что-то круглое и металлическое. В чем он с трудом, в силу слабых знаний предмета, но опознал дуло пистолета, которое утыкалось ему прямо в лоб.

13

В предрассветной серой мути, которая заполняла комнату, Слава различил и какой-то силуэт, от которого тянулась рука с пистолетом.

Только что-то во всем этом было не так, он, правда, никак не мог понять, с чем это ощущение связано – с силуэтом или с пистолетом.

Только было ему не страшно, а как-то даже весело...

– Медленно сядьте и руки заведите за голову... – продолжил голос.

И Прохоров понял, почему он не испугался – голос этот был женский, только до него со сна не сразу дошло...

Как и силуэт...

А пистолет какой-то маленький, в кино такие называли «пукалкой».

Он усмехнулся, сел, заведя руки за голову:

– Только ненадолго, – попросил он, – а то у меня кисти затекают...

– Куда затекают? – почему-то нашему герою показалось, что в ее голосе слышится испуг.

Силуэт был в длинном платье и, как кажется, в шляпке с вуалью. Вся подготовка к визиту «соседа» летела насмарку.

– Да ерунда все это... – как можно спокойней и миролюбивей сказал Слава. – Позвольте мне одеться, и я все объясню.

Он поймал себя на мысли, что если бы все происходило в сегодняшнем дне и с сегодняшней женщиной, он бы не просил разрешения одеться, а просто продолжал бы общаться, да мог бы и встать, не думая о своем туалете.

O tempora, o mores...

– Это неважно... – сказала дама, – очевидно имея в виду его некоторое неглиже, – быстро отвечайте на вопрос – кто вы и что делаете в... – тут случилась в голосе «соседки» легкая пауза, а продолжение последовало несколько неожиданное, – в этой квартире, которой нет?

– Как нет, – отозвался Прохоров, пытавшийся потянуть время, – она же есть...

Он вспомнил рассказ одного актера, который снимался в фильме о декабристах. И тот никак не мог сыграть любовную сцену, потому что стоял на земле босой (а так полагалось по сценарию и по ситуации), не мог, и все, до тех пор, пока режиссер не придумал надеть ему сапоги, а босоту его сняли потом на общем плане. Вот так Слава сейчас никак не мог представиться даме из прошлого века, сидя на постели с голой грудью и в трусах в цветочек.

– Ее тут быть не должно, – строго сказала дама. И он подумал, уж не учительница ли она, хотя откуда тогда пистолет? – Ее тут быть не может, потому что с этой стороны должна быть лестница, а не квартира...

– Но ведь есть... – опять надавил он. – Значит, не все на этом свете так однозначно и просто, как вы себе представляете...

Она, видимо, не нашлась, что сказать.

Что, кстати, говорило в ее пользу...

– Если вы уберете пистолет, – снова начал он, – и дадите мне одеться, я вам все объясню...

– Где ваш костюм? – пистолет явно дрогнул в ее руке.

– Вон на стуле...

– Сидеть тихо и не шевелиться... – скомандовала она.

И подошла к стулу, причем шла так, чтобы не выпускать его из вида.

«Сейчас начнется новый этап... – мысленно прикинул Слава. – Что это за хлам? Где ваш халат?»

– Что это за хлам? – удивленно спросила дама. – Где ваш халат?

– Вы не хотите, чтобы я вам все объяснил? – он решил, что надо идти в атаку.

– Хочу...

– Тогда бросьте мне мою одежду... Ну не могу я беседовать с дамой в таком виде...

Она подумала несколько секунд, потом взяла его джинсы с рубашкой, взяла буквально двумя пальцами, затем, стараясь больше ничем не касаться его одежды, поднесла к нему и бросила на постель.

– И не вздумайте мне врать... – жестко, так ей, во всяком случае, казалось, сказала она. – Я отлично стреляю...

«Врет, – подумал Слава, натягивая штаны, – она не может отлично стрелять, не тот человеческий тип... Но вот с чего ей вообще стрелять? Сонька Золотая Ручка?»

Уже довольно сильно рассвело, вещи стали отчетливей видны. Даме оказалось немного за тридцать, не красавица, но вполне миловидная. В роли вуали, как выяснилось, выступали тени от уличного фонаря.

«Что же это за фрукт такой? – мучительно думал наш герой. – Все было бы понятно, гувернантка или преподавательница гимназии, но зачем ей пистолет? И где наш муж, который должен явиться, как полагается, не вовремя?»

Но почему-то он знал, что мужа не будет...

Наконец последняя пуговица на рубашке была застегнута. Прохоров выпрямился и чуть ли не шаркнул ножкой.

Он бы точно шаркнул, если бы знал, как это делается.

– Меня зовут Вячеслав Степанович Прохоров, – выдал он заготовленную фразу, – я живу в городе Москве, хотя родился в Саратове в тысяча девятьсот пятьдесят третьем году...

Он надеялся, что падать на колени и петь петухом не придется, первый шок уже прошел, и дама хоть как-то, но уже ему доверяла.

– И что вы здесь делаете, Вячеслав Степан... – начала «соседка», но тут же прервала сама себя. – В каком году, вы сказали, родились?

– В тысяча девятьсот пятьдесят третьем году... – как можно спокойнее повторил Слава. – Я – из будущего...

– Что это значит, «из будущего»? – он почувствовал, что дама опять напряглась. – Есть такое село на Петербургском тракте...

Но видно было, что она и сама не верит ни в какое село.

А вот во что она поверит?

– Успокойтесь... – он вдруг сообразил, что не знает, как к ней обращаться. – Как вас, кстати, зовут?

– Надежда Михайловна... – видно было, что она на грани истерики.

– Видите, Надежда Михайловна, возле окна стоит такая большая белая коробка? Подойдите к ней, пожалуйста, и откройте...

Она подошла к холодильнику, впервые не боясь подставить ему спину, постояла возле него, в испуге поглядывая еще и на компьютер.

– Ну, в чем дело? – попытался он ее подбодрить.

– Я не знаю, как это открывать... – глухо сказала она.

– А вот справа такая длинная вертикальная ручка, потяните за нее...

Она потянула.

И отпрянула, быстро захлопнув дверцу...

– Что это? Оттуда пахло холодом, как из подпола...

– Все правильно... – улыбнулся он. – Это холодильник, в нем мы храним продукты, чтобы они не испортились...

– А где лед? – видно было, что она сейчас заплачет. – В холодильнике должен быть лед...

– Мы сейчас с вами в двадцать первом веке, Надежда Михайловна, – сказал он как можно мягче. В вашей комнате – начало двадцатого, а в моей – начало двадцать первого. Кстати, не могли бы вы сказать, какой именно год у вас, а также день и месяц?

– Тридцатое июня тысяча девятьсот тринадцатого года...

14

– Сто лет... – он покачал головой, потом прикинул: – Сто лет и еще тринадцать дней...

Тут он хлопнул себя по лбу, чем напугал несчастную женщину:

– Ага, – радостно завопил он, ну почти завопил, – так у вас же тут старый стиль... Значит, ровно сто лет...

– Какой старый стиль? – требовательно спросила Надежда.

– Понимаете, – пустился он в объяснения, почему-то то, что от его времени там за тонкой стенкой было ровно на сто лет меньше, его страшно обрадовало, – когда произошла революция, в России приняли...

– Так она все-таки произошла?

И то, как она это спросила, почти выдохнула в каком-то экстазе, вдруг подтолкнуло его к верному решению: Надежда Михайловна – из революционного подполья. Этим объясняется и пистолет, и брошюры на подоконнике, и совсем не женский характер. Ну не мужской, но и не тот, которого ждешь от дамочек.

Только вот что теперь с этим делать?

– Расскажите мне о революции... – впервые в ее голосе прозвучала нежность, а не испуг или решительность.

Это было и хорошо и плохо.

Хорошо потому, что она ему поверила и, значит, шок от «будущего» прошел, можно было нормально общаться.

А плохо...

Плохо потому, что когда-то Слава занимался не по долгу службы, а просто для себя историей революции и знал, что шли в нее многие, а оставались – фанаты.

И фанатки, конечно...

И похоже, одна из них сейчас перед ним...

А он боялся любого фанатизма, и женского в том числе...

Даже женского в особенности...

– Так я жду, – в голосе Надежды Михайловны послышалась насмешка, – не успели еще придумать, что соврать?

Похоже, тоненькая ниточка, которая связала их, могла лопнуть в любую секунду, нельзя было больше медлить.

– Я просто думаю, что и как рассказывать... – соврал он. – А если у вас еще есть сомнения, откуда я, подойдите, пожалуйста, к окну...

Она несколько секунд подумала, потом все же подошла. Пистолета в ее руках уже не было, наверное, он перекинулся в крохотную бархатную сумочку.

Слава подошел к компу, включил его, продолжая говорить:

– Что вы видите?

– Дом напротив, за ним Храм Христа Спасителя... она обернулась к нашему герою. – Что вы хотите, чтобы я увидела? И что это вы делаете? – добавила она настороженно.

– Включаю компьютер... – спокойно ответил он. – А из чего сделаны скульптуры на Храме?

Внимание ее разделилось – она хотела видеть, что он делает и одновременно разглядеть то, что он просил. Но тут на улице раздался гул и на дороге показались стройные ряды оранжевых поливалок.

– Господи, что это? – почти заревела она. – Я ничего не понимаю...

– Так из чего сделаны скульптуры?

Он старался быть спокойным, надеясь, что она это спокойствие переймет у него. Раз он не волнуется, значит, все в порядке. И одновременно набирал на компе письмо Володе.

– Бронзовые... – как-то подавленно ответила она.

«Дата точно, как наша, – писал Слава, – разница ровно в сто лет...»

– Это письмо? – тихо спросила женщина. – Только после «т» в слове лет, должен быть ер...

– Надежда, – вдруг сказал он без отчества, – мне надо вам много сказать и объяснить. И про революцию, и про ер в конце слова, и про поливальные машины. А вы еще наших женщин не видели, увидите – в обморок упадете, так в ваше время даже в купальнях не ходили, не то что по улицам... Как только захотите, сразу приступим. А сейчас, пожалуйста, пройдите в свою комнату и посмотрите, из чего сделаны скульптуры на храме, который виден из ваших окон...

Он нажал кнопку «отправить».

– А мне не надо ходить... – грустно сказала она. – Я на них давно люблюсь и знаю, что они там – мраморные. Так что я вам верю – никто не может за неделю мрамор поменять на бронзу...

Надежда села, сложила руки на коленях, как послушная девочка:

– Я буду вас внимательно слушать, – тихо сказала она. – Только иногда переспрашивать, когда совсем непонятно будет.

– А знаете что, – сообразил он, – вы же явно с дороги, наверняка – голодная. Давайте пока я буду рассказывать, попьем кофе и по бутерброду съедим...

– У вас дома есть кофе? – переспросила она. – Вы небедный человек...

– Просто вы забываете, что у нас время другое и цены другие... Присаживайтесь к столу, снимите что-то, в чем вы на улицу ходите, а дома снимаете. Сумочку можно положить вот сюда...

Он подошел к выключателю, щелкнул – загорелся свет. Она вздрогнула, хотела что-то сказать, но не стала. Но сняла с себя верхнюю курточку (Слава не имел представления, как она называется) и осталась в тонкой блузе кремового цвета с узкой полосой кружев по воротнику и рукавам.

И почему-то так понравилась нашему герою еще больше.

Бессмысленно пересказывать современному читателю то, что рассказывал ей Слава этим утром – он и так все знает. Можно было, конечно, заняться воспроизведением реакций Надежды Михайловны на этот рассказ, умный женский отклик на невероятные новости – это всегда интересно. Но тогда пришлось бы этот самый рассказ воспроизводить, а мы договорились, что делать этого не нужно.

Единственно, что надо добавить, чтобы завершить странное утро, это то, что Прохоров никак не мог понять, почему она не спрашивает у него, как это они встретились, как образовалась дыра во времени. Но потом он сообразил, что на фоне всех тех немыслимых новостей, которые он вывалил на ее несчастную голову, какое-то там путешествие во времени она воспринимает, как само собой разумеющееся. Живут они так в своем двадцать первом веке – путешествуют во времени, поскольку пространство уже все облазили...

Разговор шел долго, несколько часов, но учитывая, что знакомство их состоялось около трех ночи, женщина была с дороги, а мужчина – просто в возрасте, ничего удивительного нет в том, что телефонный звонок на Славин мобильный, несмотря на весь выпитый кофе, застал их мирно спящими.

Нет, не подумайте ничего плохого и пошлого, каждый спал в своей кровати, а то, что от одной до другой было всего пять метров, но и сто лет, придавало этому сну особое очарование.

15

– Это... – Надежда Михайловна говорила тихо, почти шепотом, но все равно пыталась подобрать слова повежливей. – Это так носят сейчас?

Она не могла смотреть на Марину, все время отводила глаза, но тут же они сами, как бы без ведома хозяйки, возвращались обратно.

А всего-то дочь пришла в джинсовых бриджах и майке с короткими рукавами. Она тоже все время поглядывала на «соседку». С любопытством, но было в ее взгляде что-то еще, чего Слава пока не мог определить.

Только «зять» сидел за компьютером и, как сумасшедший, щелкал клавишами. Получив утром Славино письмо, он хотел было отработать его дома, но понял, что не успеет из-за книжного шкафа, за которым надо было ехать на другой конец Москвы, поэтому позвонил «тестю», чтобы сообщить, что сделает все с его компа, просто привезет флешку с данными, а остальное уточнит по Интернету.

А заодно спросил:

– А точность такая откуда?

– Какая точность? – не понял полусонный Слава.

– Ну, дату откуда знаешь?

Несмотря на то, что со всеми окружающими «зять» был на «вы», нашему герою он почему-то с самого начала знакомства говорил «ты», чем последний даже немного гордился.

Прохоров мучительно соображал несколько секунд, говорить или не говорить своим о Надежде Михайловне сразу, потом решил сделать сюрприз:

– А вот приедете, сами поймете...

И положил трубку.

И когда ровно в двенадцать, такая у него была особенность и обязательность, Володя начал заносить упаковки с пресловутым шкафом, ему вместе с Маринкой пришлось пережить несколько странных секунд.

Потому что, предупрежденная Славой, Надежда Михайловна спокойно сидела за столом с чашечкой кофе и, когда они вошли, неспешно встала в длинной юбке и все той же кремовой блузке, которую она неведомым образом успела постирать и высушить, и церемонно поклонилась гостям:

– Доброе утро, господа...

– Со-сед-ка... – почему-то по складам сказала дочь, от изумления даже не ответив на приветствие.

А Володя только покачал головой, впрочем, поздороваться не забыл:

– Доброе утро, мадам...

И поставил сверток с деталями шкафа у входной двери. Собрался за следующим, но был остановлен спокойным голосом:

– Я, вообще-то, мадемуазель, но можно просто – Надежда Михайловна...

Тут уже все трое несколько изумленно посмотрели на гостью. Представить себе в начале двадцать первого века, что дама за тридцать может никогда не быть замужем, еще можно было. Но вот, чтобы она относилась к этому спокойно, если, конечно, не феминистка, гораздо труднее.

Первым нашелся Володя:

– Прощения прошу, если обидел, Надежда Михайловна, – он обернулся к «тестю». – Там еще немного, три, нет, четыре свертка.

– Помочь?

– Сам справлюсь... – и тихо добавил: – Вы тут без меня справляйтесь, а вообще-то ты – осел, предупреждать же надо.

– Извини... – пробормотал Слава, пряча улыбку.

Ну а что, он один должен был в шоке побывать?

Володя хотел сразу собрать «чудовище», как он почему-то называл уродский шкаф, но Прохорову не терпелось узнать все для реализации их идеи с книгами и автографами, поэтому он предложил сделать перекур. Пусть «зять» посмотрит, исходя из точной даты, все, что надо, а потом они вместе соберут шкаф и расставят книги.

Слава пока не стал говорить ни детям, ни Надежде Михайловне о некоторых новых идеях, возникших в процессе разговора. Он видел, что «зять» все время размышляет о чем-то, пока они втроем вели светскую беседу, и понимал, что Володя при его шустрых мозгах, похоже, обо всем догадался.

Ясно было, что появление Надежды Михайловны, да еще такое появление, как получилось, многое меняло в их планах, делая их гораздо проще. Но вот революционный шлейф «соседки», о котором «зять» не знал, мог, как мощный хвост, повернуть всю ситуацию в непредсказуемую сторону.

– А куда вы ездите отдыхать? – Маринка, пока «муж» трудился в поте лица, пыталась вести с гостьей светскую беседу.

– Я – никуда... – любезно улыбаясь, но глядя все-таки в сторону, ответила Надежда Михайловна.

Слава чувствовал, что эти две дамы друг другу не очень нравятся, но пока не знал, что с этим делать.

– А господа – в зависимости от доходов. – Надежда глянула на «зятя», который резко повернул голову, услышав предыдущую ее реплику. – Кто – в Софрино, кто в Коктебель, кто – в Ниццу... А у вас как отдыхают?

– Да почти так же... – изумленно ответила Маринка. – Только еще всякие острова прибавились...

– Какие острова? – не поняла гостя.

– Ну там всякие... – дочь повспоминала, потом выдала: – Мальдивские, Азорские, Балеарские...

– М-да... – Надежда покачала головой, но как будто даже загордилась. – А я и слов таких не знаю...

– А ни фиги-то, – раздался Володин голос от компа, – у нас не получается. То есть почти ничего...

– Что случилось? – Слава подошел к компу, посмотрел на монитор.

Не очень хорошо было оставлять двух женщин наедине, но тут не развлечение, надо было срочно понять, что там не так.

Неужели вся идея их рухнула?

– Смотри, – «зять» показал на монитор, – из великолепной семерки – Сирин еще не издался, Маяковский – в этом году в Питере, Пастернак еще не издался, только в конце года. Ахматова, даже если «Вечер» уже вышел, – тоже в Питере. Гумилев в Царском Селе, остается Цветаева, которая в этом году вышла замуж, и они с Эфроном уехали в Коктебель, но может быть, она еще здесь...

– А Мандельштам? – спросил расстроенно Слава.

– Не могу выяснить точную дату выхода «Камня», – отозвался Володя и опять защелкал пальцами по клавиатуре, – но в любом случае это Питер... А вот, нашел – конец марта – апрель, значит, хоть книга есть...

– А откуда вы знаете, – тут почему-то возникла небольшая пауза, – Александра Владимировича? – послышался вдруг голос Надежды.

16

– А кто такой Александр Владимирович? – спросили в один голос Маринка и отец.

И только Володя защелкал привычно клавишами компьютера. Он и ответил вместо гостьи, которая вдруг замешкалась и не нашлась, что ответить...

– Мандельштам Александр Владимирович (1878–1929) – раздался его голос, – партийный и государственный деятель. Член РСДРП с 1902 года, участник революций и гражданской войны. Ну и так далее... – он повернулся к Надежде. – Вы о нем говорили?

– С вами страшно... – вдруг тихо сказала она. – Спросишь что-то невинное и в секунду узнаешь, что кузену осталось жить шестнадцать лет.

– Простите... – Володя беспомощно пожал плечами. – Я не хотел...

– А я уж подумала, – вмешалась Маринка, встряхнув головой, чтобы отогнать наваждение, – что вы – революционерка...

Слава даже присел, когда представил, что сейчас будет.

– А я действительно член революционной организации... – спокойно сказала Надежда. – Это что-то меняет в вашей жизни и отношении ко мне?

Даже Володя бросил свой комп и уставился на «гостью». А Маринка, так та просто рот открыла от удивления...

И страха, наверное...

Слава решил, что пора вмешаться.

– Надежда Михайловна, – как можно безмятежнее сказал он, – действительно боец революции. Но это не мешает ей быть нормальным, живым человеком и очаровательной женщиной.

– А вы эсдечка или эсерка? – приходя в себя, спросил Володя. – Брат ваш, тут написано, твердый ленинец...

– Была эсдечкой, – не смущаясь, отозвалась Надежда, – а теперь ушла к эсерам. Мне кажется, что революционер должен действовать, а не бесконечно дискутировать о тонкостях устава и программы.

– Ух, ты... – выдохнул Володя. – А ваша, простите, как фамилия? Вдруг вы здесь тоже есть?

– Мандельштам, – с готовностью отозвалась Надежда и даже подошла к компьютеру. – Наши с Сашей отцы были родные братья, так что и фамилии у нас одинаковые...

Тут Володя со Славой уставились друг на друга и даже кивнули одновременно.

– Надежда Мандельштам... – протянул «зять».

Такая ситуация открывала новые перспективы, которые надо было тщательно обдумать.

«Зять» вернулся к компу и через несколько секунд сказал, облегченно вздохнув:

– Слава Богу, вас здесь нет...

– Почему, слава Богу?.. – почти обиженно спросила Надежда. – Потому что я не могу узнать дату своей смерти? Так я ее не боюсь... Своей – не боюсь...

– Не в этом дело... – сказал Володя.

– А в чем?

– А в том... Что, лучше... – вдруг выпалила Маринка, которая особенными знаниями русской истории не обладала, но даже она догадалась, о чем идет речь, – лучше было бы сейчас узнать, что вы после революции стали видным партийным деятелем? И участвовали в подавлении какого-нибудь крестьянского мятежа и у вас руки по локоть в крови, как у этой дамы с дурацкой кличкой... она обернулась к «мужу». – Как ее звали, Володь, помнишь, ты мне рассказывал – Земляничка? Земфирка?

– Землячка... – отозвался почему-то отец.

– Роза? – почти испугалась Надежда Михайловна. – У Розы руки по локоть в крови?

– И не только у нее... – отозвался Володя, – почти все, кто прошел через образование РСДРП, революции и потом стал советским государственным деятелем, замешаны в убийствах и казнях. Кто чуть больше, кто чуть меньше, но практически все...

– Надежда, – напомнил ей Слава, – я же вам рассказывал, вы забыли...

– Есть разница... – в голосе ее слышались сдерживаемые слезы, – когда разговор идет просто так, о неизвестных или известных издали тебе людях, а совсем другое, когда твоя хорошая знакомая оказывается убийцей... Тут мне нужно подумать, о многом подумать. Не верить вам я не вижу оснований, – она кивнула то ли на Володю, то ли на компьютер, – но и принять все это трудно...

Все помолчали немного.

Но тут Надежда Михайловна (вот стальная женщина) вдруг взяла себя в руки:

– Как я понимаю, – сказала она почти нормальным голосом, – Питер, о котором вы все время говорили, это Санкт-Петербург?

– Да, точно... – тихо, чтобы не спугнуть, как кажется, плывущую в руки удачу, ответил Слава.

– И у вас там какие-то дела?

– И это есть... – так же тихо ответил он.

– Но вы же не можете поехать туда в таком виде? – удивленно сказала гостя, – да и разговор вас выдаст с головой...

– И это правда...

– Я могу съездить, – она улыбнулась и стала намного симпатичней, чем была секунду назад, хотя и до этого была вполне себе ничего, – если очень надо и вы мне толково объясните, что нужно делать...

– Отлично... – сказал Прохоров и неожиданно для самого себя заплодировал.

И все присоединились к нему.

– И чем я обязана? – Надежда Михайловна даже слегка покраснела.

– Просто таким образом, – Слава поискал правильные слова, – вы решите несколько неразрешимых для нас задач. А взять и попросить вас о подобной услуге я как-то не решался...

– Сейчас, – она встала и двинулась к проему, – я посмотрю, что у меня назначено в ближайшие дни, и скажу точно, когда смогу отправиться...

Она вышла из комнаты, там послышалось какое-то движение, а Володя, между тем обернулся к «тестю»:

– Ну ты-то понимаешь, что тебе все равно придется туда – он кивнул на соседнюю комнату, – идти?

– Мне? – не понял Слава. – Зачем? Зачем, когда теперь у нас есть Надежда...

– Потому что она ничего не понимает в книгах... – отозвался «зять». – Ты что хочешь только поэзией заняться? А ведь тогда цена «Руслану и Людмиле» была три рубля...

– Глинка... – кивнула головой дочь.

– Пушкин... – Володя встал, подошел к Маринке и поцеловал ее, чтобы не обижалась. – Первая его книга и одна из самых дорогих... И много всякого другого, что тогда стоило недорого, а сейчас – вагон и маленькую тележку. Как она, – он кивнул на соседнюю комнату, – сумеет понять, что к чему?

– Похоже, ты прав...

Слава пытался разобраться в своих чувствах – расстроен он или обрадован тем, что идти все-таки придется.

С одной стороны – лень и куча проблем.

С другой стороны – нажива, да и остатки мальчишеского духа приключений, как оказалось, все еще жили в нем, хотя он сам считал, что все подобные духи давно выветрились...

«Зять», видимо, неверно истолковав Славины сомнения, решил добить его и добавил, глядя на монитор:

– А знаешь, сколько стоил тогда первый «Герой»? – и торжественно произнес: – Двадцать пять рублей. По тем временам немало, но и сегодня он пореже и подороже многих Пушкиных... А «Вечера на хуторе»? Я уже не говорю о Толстом, Чехове и Достоевском...

– И где все эти прелести продаются? – поинтересовался наш герой. – Можно пойти и купить?

– Ну, у меня шибановские каталоги за разные годы, что-то было, что-то в тринадцатом году есть... Но по каталогу покупать – не кошерно, как Надежда Михайловна поймет, что такое издательская обертка, например? Да и не полный комплект у меня..

– И сколько точек ты насчитал для непряменного посещения? – поинтересовался Прохоров, обдумывая перспективу похода по таким магазинам, да еще и в компании с «соседкой».

– В принципе, кроме Пашуканиса, а мне кажется, его обязательно нужно посетить, он много поэзии издавал и, значит, и торговал ей охотно, все недалеко отсюда.

– И где был магазин Пашуканиса?

– Большие Каменщики, дом два... Это на Таганке...

– Знаю, знаю, – буркнул Слава. – А остальные, – он почему-то усмехнулся, – близлежащие?

– Смотри, – начал перечислять Володя: – А.А. Абрамов – Воздвиженка, дом восемнадцать. Я не знаю, кто это, но судя по большой рекламе – магазин тоже должен быть не маленький. Дальше – Вольф Маврикий Осипович, у него две точки – Кузнецкий мост, дом двенадцать и Моховая, двадцать два. Телефон нужен?

– Пока обойдусь... Еще кто?

– Еще я бы взял Карбасникова. Магазин большой и прямо рядом с Вольфом – Моховая, двадцать четыре.

– Но это все люди, как я понимаю, – задумчиво сказал Слава, глядя на экран, – торговавшие новыми для того времени книгами. К ним можно за поэзией, за Чеховым, который недавно умер, и что-то еще можно посмотреть конца – начала века. А вот за Пушкиным куда?

– Сейчас... – отозвался «зять». – Конечно, прежде всего к Шибанову...

– А он где?

– Был на Петровских линиях, а потом переехал на Никольскую. С шумом, с новосельем, вот только не помню, в каком году это было...

– А у тебя это за какой год?

– За пятнадцатый, просто под рукой был, я думал все равно за какой, важно, чтобы дата была рядом... Но сейчас посмотрим и за тринадцатый... Будет понятно, где он в данный момент...

Он опять защелкал клавишами, потом озадаченно посмотрел на Славу, затем перевел взгляд на «жену».

– Ребят, – попросил он, почесывая подбородок, – вы не помните, я на кого смотрел книжные магазины?

– В смысле? – не понял наш герой. – На книжные магазины, наверное...

– Или просто на «книги»... – подсказала Маринка.

– Нет, тут все по-другому... – Володя отрицательно покачал головой, – Печать? Нет... Печатная продукция? Тоже нет... Продукция печати? И это не подходит, чтоб тебе пусто было...

– Странно как... – Маринка даже руками развела, – казалось бы, все так просто: книги, они и есть книги...

– «Произведения печати», вот как они назывались, а прятались во втором разделе, – наконец нашел Володя. – Так тут слово антикварные относится к... относится к... – повторил он еще раз, – относится только к Шибанову и расположился он в это время на Никольской, аж с девятисотого года. А вот «антикварные» больше нигде не написано... – он удивленно повернулся к Славе. – Получается, что антикварными книгами торговал тогда в магазине только он...

– Один магазин на Москву? – не поверил наш герой.

– Ну и куча лавочек на Сухаревке и у Пролома... Хотя нет, подожди, вот тут объявление какого-то Гарри Павловича Мартинсона, который на Мясницкой покупает и продает всякие библиофильские издания и редкости.

– Я думаю, – покачал головой Слава, – что нам и Шибанова хватит по самое не балуйся...

– К тому же у тебя была отличная идея насчет Фабера... – повернулась к отцу Маринка. – Это тоже без тебя решено быть не может... А кстати, в Москве где его отделение тогда располагалось?

Она как раз занималась прикладным и надеялась, что поиграть с хорошим товаром удастся не только мужчинам, но и ей.

– Это я уже раньше посмотрел... – отозвался Володя, – тут рядом, Пречистенка, тринадцать... – Ну? – он повернулся к «тестю».

– Да понял я, понял и уже давно не спорю... – улыбнулся Прохоров. – Вот только как все это будет происходить? Проблемы, о которых мы говорили вчера ночью, никуда не исчезли...

– Так в принципе решено? – радостно спросил Володя, привычно щелкая клавишами. – Я тут составляю тебе список магазинов, которые нужно будет посетить... С адресами, конечно....

– Решено... – согласился наш герой.

– Нет, не решено... – вдруг раздался голос Надежды Михайловны, о которой, казалось, все забыли.

18

Все уставились на нее, не понимая, что происходит.

– Вы же вроде бы, Надежда Михайловна, – начал Володя, – только что согласились нам помочь. Что-то изменилось?

– Нет, помогать я согласна... – сказала она, но смотрела несколько обиженно.

– Тогда в чем дело? – спросил Слава как можно мягче.

– В том, что я хотела бы тоже посмотреть, как вы тут живете... – сказала она. – Это – запрещено?

Все замолчали, не ожидая такой атаки.

– Вы за меня решили, как жить дальше... – продолжила она. – А у меня спросить не интересно?

И тут Надежда Михайловна вдруг получила поддержку от человека, на которого ей рассчитывать вроде бы не приходилось.

– Так их, мужиков неотесанных... – внезапно присоединилась к ней Маринка. – Распорядителей женских судеб...

Володя удивленно уставился на «жену».

А Прохоров поспешно сказал:

– Конечно – нет... Только как же это сделать? – добавил он задумчиво. – Все проблемы сохраняются, которые касаются моего визита в ваше время и которые мы еще даже не обсудили.

Ему как-то не приходило в голову рассматривать свое путешествие как экскурсию. Как приключение – несомненно, но вот побывать, чтобы посмотреть?

«Ах ты, старый дурак, – вдруг обругал он сам себя. – Ты-то про ее время знаешь массу всякого, картинки видел, фильмы. А она про твое – вообще ничего, кроме твоих же слов... Может, телевизор купить, чтобы она все увидела?»

Все это надо было бы обдумать, и он тянул время:

– Давайте по порядку... – медленно сказал он. – Я еще раз повторяю, что проблемы с моим походом в то время остались и никуда не делись...

– Ну, тут ты не прав... – не согласился «зять». – Многое изменилось... Что нам мешает попросить Надежду Михайловну, он вежливо кивнул ей, – пойти и купить тебе полный комплект одежды? Размеры она запишет, если не запомнит, денег мы ей дадим. Да и в ее сопровождении ты глупостей наделаешь меньше, и исправить их в ее присутствии будет легче...

– Отлично... – вмешалась Марина. – И только не говори, что ты терпеть не можешь костюмы и галстуки и ничего, кроме джинсов, уже сорок лет не носишь... – Потому что на один или два раза можно и костюм пережить...

– А я и не говорил никогда, – заворчал Слава, – что сорок лет не носил костюмы. Варвара Алексеевна (это было имя его бывшей жены), не к ночи будь помянута, раза два или три меня все-таки заставила надеть...

– Ладно, – прервала его дочь, видимо, почувствовав, что про гостя все опять забыли и ей это не доставляет ни малейшего удовольствия, – с тобой понятно, а вот о каких проблемах ты говорил для Надежды Михайловны? Костюм – тоже можно купить – не проблема? Разговор не современный? Так кто сейчас знает в Москве, как говорят в провинции?

– Не в этом дело... – наш герой скривился, как от зубной боли... – Есть проблема посерьезней – Горох...

– А при чем тут Горох? – не поняла Маринка. – Его-то какое дело?

– Просто я уверен, – торопливо начал объяснять наш герой, – что кто-то из его команды пасет эту квартиру, чтобы я не скоммуниздил книжечки. Да еще и на камеру снимает, наверное... Вот для них будет интересное развлечение – понять, откуда тут взялась лишняя женщина...

– Если все это так трудно, – гордо сказала гостя и гордо уселась на стул, – ничего не надо. Я вам с удовольствием помогу и одежду куплю и схожу с вами, куда вам надо, но вы себя не утруждайте, пожалуйста...

– Вот ты сам все и придумал... – отозвалась дочь, не обратив внимания на реплику Надежды Михайловны.

– Что придумал?

– Про лишнюю женщину...

Маринка встала, подошла к гостье:

– Встаньте, пожалуйста...

Та с недоумением на лице поднялась.

– Ты не видишь? – Маринка удивленно спросила отца. И на его непонимающий взгляд добавила: – У нас примерно одинаковый рост, не точно, но довольно похожие фигуры...

– Ах, вот оно что... – до Славы, наконец, стало доходить.

– Ну, конечно... – гордо сказала теперь уже дочь. – Я привожу что-нибудь из своих тряпок, – она взглянула с улыбкой на гостью и добавила: – Это так сейчас про наряды говорят, и специально выберу что-нибудь длинное и закрытое, Надежда переодевается и идет с тобой, а я тут жду, чтобы было впечатление, что это ты со мной куда-то направился...

– Значит, не привозишь с собой, – кивнул Прохоров, – а приходишь в них, а приносишь что-то – переодеться...

– Вот где ты прав так прав... – согласилась дочь.

– Кстати, – повернулся Володя от компа, – и костюм тебе, Слав, здесь можно купить и не утруждать Надежду Михайловну...

– Да я согласна... – попробовала возразить она.

– Вряд ли вам, – Володя повернулся к гостье, – я только сейчас сообразил, будет удобно покупать там у себя Славе полный комплект – рубашки, белье разное.

– А зачем мне то белье? – не понял наш герой.

– Вдруг через брюки видно будет, что у тебя трусы в цветочек... – начал объяснять «зять» свою идею, но вдруг сообразил, что перебрал. – Ой, простите, пожалуйста... – он повернулся к мгновенно покрасневшей «гостье», а Маринка покрутила ему пальцем у виска.

– Ничего... – кивнула гостья, – я постепенно привыкну...

Но видно было, что ей неловко.

– А у нас сейчас модно всякое ретро... – смущенно продолжил Володя, явно стараясь замять ситуацию. – Вот смотрите, я тут кое-что нашел, а Надежда Михайловна будет экспертом... Кроме того, есть театральный магазин, но в Сети они свои товары не выкладывают. Однако на всяких распродажах можно что угодно найти... Посмотрите, пожалуйста...

Последние два слова явно содержали в себе не только приглашение, но и извинение.

Гостья подошла к компу, но прежде, чем посмотреть на экран, сказала:

– А что это у вас вообще? – этот вопрос прозвучал, как принятие извинений. – Что и как вы тут смотрите?

– Это долго объяснять, – заулыбался Володя. – Если хотите, я вам все расскажу, но если совсем коротко, то тут можно видеть самые разные новости со всех концов света: что где случилось, какие происшествия, где и что продают... Вот сейчас на экране мужская одежда, которую можно купить недалеко отсюда...

– Да я в нарядах-то не очень разбираюсь... – промямлила она, почти в ужасе глядя на монитор. – Хотя вот это, действительно, может подойти, я видела людей в подобных костюмах... Да и вот это...

– Спасибо... – Слава подошел к дочери, обнял ее за плечи, сказал тихо: – Не ожидал, мне казалось, что ты ее не приняла...

– С чего бы это, – в глазах Маринки что-то блеснуло, – я не приняла женщину отца, особенно когда она такая симпатичная?..

Гости временно разошлись и Слава остался один. Решено было встретиться в пять и отправиться с Надеждой на прогулку. Маринка подбросит наряды, Володя собрался их возить, а для этого нужно было закончить или перенести некоторое количество дел, чем «зять» и занялся.

А сама «соседка» тоже ушла по каким-то своим делам, пообещав вернуться вовремя. Все четверо, а особенно Надежда Михайловна, были несколько прифигевшие от того, что уже произошло, и от того, что только еще будет.

Наверное, поэтому Прохоров никак не мог взяться за работу, а сидел перед компом, посматривал то в книгу, то на экран, но ничего не описывал.

Он думал...

Думал о том, как все странно получилось за эти еще не окончившиеся сутки...

О том, что вот хорошо, что у него такая дочь и такой «зять»...

О том, что именно можно купить у Фаберже и что именно может оказаться у Шибанова...

О том, что можно будет сделать с теми деньгами, которые от этой странной, самой странной в его жизни операции, придут...

Но больше всего он думал о словах дочери...

Как она сказала-то?

Какая-то жуть нечеловеческая, кажется так: «Она будет твоя сюзю, разве я не вижу...»

И когда он в ужасе уставился на нее, объяснила:

– Так в одном мульте одна улитка-дама говорит другой – кавалеру: «Ты будешь моим сюсю...»

– Не смешно... – возразил он.

– А мне – смешно... – она скорчила ему веселую рожицу. – Да и по сути я права, ты же знаешь...

Вот он сейчас и размышлял больше всего о сути.

Конечно, это событие – завести роман с подругой своей прабабушки.

Ну не совсем подругой, вряд ли жительница Москвы знала безвестную еврейку из крохотного провинциального города в Белоруссии или тульскую крестьянку из еще более крохотного села.

Но по времени-то они как раз совпадали...

Славина мать родилась в двадцать втором, значит бабушка примерно в девятисотом, а ее мать приблизительно в восемьсот восьмидесятом. А Надежде сейчас около тридцати, чуть больше, значит она как раз с этого восьмидесятого плюс минус пару лет...

И она ему очень нравилась, тут Маринка все почувствовала верно.

Но вот вопрос – а как он ей?

Да и после болезненного расставания с Варварой наш герой решил, что женщины в его жизни кончились – куда в шестьдесят, ну тогда ему было только пятьдесят семь, новые романы заводить?

Не мальчик же...

И что – забыть зарок, начать все с начала, если Маринка права и у них с «гостьей» это взаимно?

Возникает тут ряд вопросов и некоторые из них совершенно неразрешимые. Например, ясно, как Божий день, что пролом во времени надо рано или поздно закрывать, не очень понятно как, но обязательно надо. Иначе, как понимал Прохоров, через день или месяц в него попрутся с той стороны жандармы или искатели приключений, а с нашей – Горох с компанией, а то и кто-нибудь рангом повыше.

И мало не покажется ни им, ни нам, а во что превратится русская история – вообще сказать нельзя.

И так-то не подарок, а тут вообще караул...

И вот вопрос: если у них с Надей – он вдруг сообразил, что впервые назвал ее не только без отчества, но и так коротко и интимно – все получится, то где они объединятся? Потому что если акция окажется разовая, то это приключение, курортный роман, а этого ему не хотелось совсем. После взбалмошной и недалекой Варвары ему в Надежде нравилась как раз ее последовательность и целеустремленность, но в сочетании с какой-то мягкостью, чего в бывшей жене не было и в помине.

И разменять такую женщину на стандартный и туповатый «перепихон»?

Фи, господа...

Но все-таки, куда и как им деваться в случае серьезного романа?

Даже, если выбросить из головы влияние постоянного присутствия его в том времени или Надежды в нашем – эффект бабочки Рея Брэдбери – все равно остается куча проблем.

Здесь его, в общем, ничего особенно не держит, дочка взрослая, внуков сама вырастит, тут он ей не помощник. А там, в той России он еще не был, возможно, в том времени все отлично и хорошо, но ведь всего-то через четыре года – революция, а потом Советская Россия, и это он со своими инфарктами и геморроями вряд ли выдержит. И, если не помрет сразу, то будет тяжелой гирей на ногах у Надежды, которой, вместо того, чтобы выживать, придется заниматься тем, что спасать его...

А если наоборот?

Если ее сюда?

Не сильно лучше...

Там мы все знаем, что будет, и можно хоть как-то, хоть где-то соломку подстелить, а здесь?

Кто сказал, что у нас на носу нет гражданской войны?

И как она будет протекать?

И кто кого будет резать?

И с каким успехом?

Да и, кроме глобальных проблем, совсем простой вопрос – как Надежду тут легализовать?

Наверное, можно купить паспорт, сделать гражданство, но для этого, наверняка, нужны хоть какие-то документы.

Не может человек возникнуть из ничего?

Или может?

Понятно, что есть знакомые, для которых проблема с паспортом – не проблема. Но как им объяснить появление человека, у которого вообще нет никаких документов и который нигде и никогда не отмечен и не числился.

В том, Надином времени, паспорта, кажется, были без фотографий, так что сделать такой для Славы, если что – не проблема. Просто купить где-нибудь на Вернисаже, и все дела... Но вот сейчас-то другое дело...

И потом, как она с таким характером будет существовать в нашем времени? У нее же нет опыта, она не знает, что зачастую можно и нужно смириться с тем, что вокруг, просто не обращать внимания на то, что творится, иначе умрешь или сойдешь с ума...

Она же может начать свою революционную борьбу, а значит, засветится перед органами...

Без документов, то есть в лучшем случае с липой...

– Я все хотела вас спросить, – услышал он голос Надежды, – но как-то смущалась при всех – кто такой Горох и почему вы его так боитесь?

20

Она стояла у порога, тьфу, конечно, у проема. Как ни странно, без шляпки и уже курточку свою, как она там называется, сняла.

То есть он так задумался, что не услышал появления своей «сюсю»? Хорош любовник пылкий, Ромео страстный, а Маринка – сволочь, надо было ее в детстве пороть...

– Вы проходите... – он вскочил, предложил даме сесть. – Может быть, кофе? Или чаю?

– Чай у вас действительно вкусный, – она прошла, села на предложенный стул. – И кофе не лишен приятности, хоть я его не люблю. Но времени без пятнадцати пять, сейчас приедут ваши, а мне хочется знать ответ на мой вопрос. Нет, не совсем хочется – необходимо...

Звучало в ее устах все это даже несколько грозно, надо было отвечать, но Слава обдумывал, тянул время. Он щелкнул кнопкой электрического чайника, достал чашки, сахар:

– Так все-таки чай или кофе?

– Ответ, пожалуйста... – она не сдавалась. – А в смысле что пить – мне действительно безразлично...

– Горох – это... – он замялся, – помните, я вам рассказывал ночью, что тут у нас было, когда коммунизм рухнул?

– Это про экспроприации и расстрелы?

– Не было никаких экспроприаций и расстрелов... – он налил ей кипятку в кофе, достал с полки какие-то печеньки, – в первом слове звучит какая-то борьба за справедливость – отъем собственности у несправедливого владельца. А во втором – карающая рука государства, в данном случае не особенно важно – справедливо оно это делает или нет...

– Ничего себе не важно... – возмутилась Надежда. – Только это и важно по-настоящему...

– А тут был просто бардак, – он не обратил внимания на ее слова, – каждый тянул, что мог и если один другому мешал, тот просто калечил или убивал его... Такое царство Емельяна Пугачева или Стеньки Разина...

– И Горох – это один из них? – она отхлебнула маленький глоток.

– Нет, тут все хуже... – он думал – кофе себе сделать или чай, решил все-таки кофе: день был и еще предстоит непростой, нужен какой-то стимулятор. – Когда государство, точнее, некоторые его представители, прорвавшиеся к власти, очнулось и начало отнимать все обратно, то действовало оно примерно такими же методами. И из тех, первых, кто все тащил, отнимал и убивал, остались только самые злые, умные и хитрые. Ну и еще везучие... Вот Горох из этих как раз...

– Красивая картинка... – сказала она задумчиво. – И как же вы тут живете? Неужели не можете навести порядок?

– Скажи... те... – спросил он, едва успев перехватить собственную фамильярность, – у вас там – все в порядке?

– Нет, конечно...

– Ну и почему вы не можете его навести?

– Потому что у нас – царь, то есть, по большому счету, от обычного человека ничего не зависит. А у вас – народовластие...

– Я уже имел честь вам рассказывать, – сказал он и сам удивился непривычному обороту речи, который всплыл откуда-то из подсознания, – что стало, когда от царя удалось избавиться. Не в царю дело, уверяю вас: вон в Голландии и в Англии, да еще в Швеции, кажется, есть короли и королевы, а они ничего, живут как люди...

В дверь позвонили и вошли Маринка с Володей.

Дочь была в длинном, в пол, цветастом сарафане, голые плечи прикрывала тонкая джинсовая куртка. На голове – широкополая летняя шляпа, а в руках довольно большая сумка.

– Насчет шляпы, это ты хорошо придумала, волосы у вас разного оттенка... – кивнул отец вместо приветствия. – А тут что? – спросил он, указывая на «багаж».

– Кое-что еще прихватила... – сказала Маринка и, предупреждая возможные вопросы, добавила: – Должна женщина иметь право выбрать наряд, в котором выйдет в незнакомое общество?

– Ну, а как же с теми, – не понял Слава, – кто должен понять, что Надежда Михайловна – это ты?

– А почему у тебя не может быть в доме каких-то моих тряпок? – удивилась дочь. – Оставим обязательно куртку и шляпу, они запоминающиеся, а остальное – по выбору Надежды Михайловны...

– Разумно... Вы туда пойдете? – спросил Прохоров, указывая на проем. – Тут вам и расположиться негде...

Дамы ушли, а Володя присоединился к «тестю», взял чашку, насыпал кофе, налил себе кипятку.

– Я позвонил знакомым нумизматам, – сообщил он. – Сказал, что есть такой странный заказ на банкноты. Они просили точно сформулировать, сколько нужно бон, хоть примерно и сколько платим за «катю» и за «петю», я обещал вечером позвонить... Только с годом никак не могу придумать, по какой причине этому тупому новому русскому нужны боны исключительно до тринадцатого года...

– А почему они в среднем?

– Сейчас посмотрю, – он прошел к компу, – но, кажется, рублей по сто, однако при нашем заказе цены должны вырасти...

– Что-то мало...

Он защелкал клавишами и через несколько секунд вздохнул расстроенно:

– Ты прав, – он покачал головой, – все-таки в любом деле надо быть профи, чтобы рот открывать...

– А что там?

– Смотри: сотни, то есть «катеньки» – от трехсот до полутора тысяч, в зависимости от того, кто подписал, и состояния. А на «петенек» – вообще караул: от шестисот до восьми тысяч...

– А что значит, кто подписал? – не понял Слава.

– Как мне кажется, это фамилия министра или управляющего казначейством. Их тут два – Шипов и Коншин. И любой Коншин дороже Шипова...

– И что нам мешает объявить, что нужны эти, которые подешевле, и состояние нас не пугает – не в коллекцию, а на стену приклеивать?

– Логично... – «зять» еще раз взглянул на монитор. – Но есть и хорошие новости: судя по их данным, после двенадцатого года наши банкноты не выпускались, значит, в дело идут любые...

– А сколько нам нужно-то, ты не прикидывал?

– Если без Фаберже и всяких «Византийских эмалей», то вполне хватит ста рублей, ну двухсот от силы. А что вы там, на Пречистенке купите, откуда мне знать...

– Так чего мы огород городим?

– Внимание, – послышался голос дочери, – демонстрация моделей одежды образца тысяча девятьсот тринадцатого – две тысячи тринадцатого года...

Мужчины обернулись и увидели входящих дам. Маринка была в рубашке и дырявых джинсах, а Надежда Михайловна – в вышеупомянутых куртке и шляпке, а на ногах... тоже джинсы, только без дыр...

Слава даже рот раскрыл.

– Я решила попробовать, как это в брюках... – смущенно сказала «гостья». – Тем более Марина Вячеславовна сказала, что у вас все так ходят...

– Ладно... – сказал «зять», который, похоже, вообще ничего не заметил. – Пора отправляться...

И они отправились...

Хотя нет, вру, до того, как они тронулись в путь, состоялся еще один важный разговор, о котором просто необходимо упомянуть.

– Доча... – попросил Прохоров, – а ты не можешь, пока мы таскаемся по магазинам, книги поописывать?

– Ага, – обиделась Маринка, – как «Муму» писать, так Тургенев, а как памятник, так Чехову... Вы, значит, по Москве гулять, а я – трудиться в поте лица?

– Ну ты и нахалюга... – отец даже руками развел от такой наглости, дочь отлично знала, что он не любитель ходить по магазинам и подбирать гардероб, особенно себе. – Просто надо, чтобы работа шла, а то ведь Горох с меня спросит, да и меньше по квартире будешь шлаться, сквозь окна могут заметить движение и прийти посмотреть – кто тут в отсутствие хозяев шебуршится...

– А я и не умею... – все еще сопротивлялась Маринка.

Тут уже возмутился «зять»:

– Как не умеешь? Я же тебя учил, и ты вполне прилично несколько десятков книг описала, когда я каталог готовил...

– Автор, название, год и место издания... – скучным голосом запричитала дочь. – Количество страниц и иллюстраций, переплет, особые приметы данного конкретного экземпляра...

– А давайте я, – вдруг вступила Надежда. – Мы вернемся, и я смогу чем-нибудь помочь...

– К вам другой вопрос, – Володя повернулся к «гостье», – и одно, нет, два предложения. Вопрос такой: с вашей стороны никто не придет? Проем-то открыт, заходи любой...

– Нет, – Надежда Михайловна отрицательно покачала головой, – я всех, кто мог прийти, предупредила, что на два дня уезжаю...

– А предложения такие, – Володя посмотрел на «тестя», – выходить будете со мной. Знаю, знаю, – прервал он возможные Славины возражения, – «почему дочь не может выйти вместе с отцом?» Теоретически – бывает, но вы так никогда не поступали, и это могли заметить. Почему-то вы никогда не ходите рядом с

Маринкой, а всегда несколько спереди или сбоку...

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/klimov_mihail/staryy-dom

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)